

ДМ-СРМННБС-2

Безумная
Гарди

Ли Гринвуд

Безумное пари

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=138873

Безумное пари: АСТ; Москва; 2006

ISBN 5170380259

Аннотация

Слыханное ли дело! Неисправимый игрок и пройдоха проиграл свою красавицу сестру в карты молодому богатому ловеласу.

Золотоволосая Кейт Вариен, прекрасная, как солнечный луч, неожиданно оказалась в полной власти Бретта Уэстбрука.

Кем же теперь станет для нее Бретт – спасителем или роковым соблазнителем? Он слишком благороден, чтобы воспользоваться невинностью Кейт, и слишком влюблен, чтобы выпустить из рук такой выигрыш. Выигрыш очаровательный и прекрасный, обещающий рай на земле и страстную любовь!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	47
Глава 4	65
Глава 5	84
Глава 6	104
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Гринвуд Ли

Безумное пари

Глава 1

Англия, март 1830 года

Замок Райхилл, Гемпшир

Большая комната тонула в полумраке. Два свечных огарка тускло освещали две неподвижные фигуры, расположившиеся друг напротив друга за массивным дубовым столом, который был завален клочками бумаги и заставлен пустыми бокалами. Стол, почерневший от времени и неопрятности хозяев, настолько довлел над комнатой, что по сравнению с ним ее обитатели казались безделушками, украшавшими обстановку.

– Мне конец, – провозгласил Мартин Вариен. В ожидании развязки он затаил дыхание. – Ты все выиграл.

Он вперил в своего противника бешеный взгляд, отражавший бурю, неистовствовавшую в его душе. Мартин сгорал от желания вскочить, вцепиться Бретту Уэстбруку в горло и душисть, смяв изящно повязанный шейный платок, пока эти самоуверенные глаза не наполнятся страхом – чувством, которого Бретт никогда не испытывал.

– Тебе не следовало поднимать ставки, имея на руках пло-

хия карты, – сухо заметил Бретт.

– Заткнись, черт подери! – выкрикнул Мартин, не в силах сдержать бушующее пламя дикой ярости. – Я не нуждаюсь в советах, как мне играть в карты.

– Полагаю, сегодняшняя игра тому доказательство? – спросил Бретт с нескрываемым презрением в черных глазах.

Мартин проглотил резкие слова, вертевшиеся у него на языке. Его отрешенный взгляд был прикован к клочку бумаги, побольше остальных, на котором были перечислены дом, земли, деньги – все его наследство! Теперь все это принадлежало Бретту Уэстбруку. Вне всяких сомнений, он должен это вернуть. Но как? Вариен мучительно искал ответ.

Мартин окинул взглядом остальных игроков, отчаянно пытаясь найти выход, но те уже давно забросили игру и разбрелись по комнате. Эдвард Ханглсби спал в кресле, не подавая никаких признаков жизни. Питер Федерс, который был слишком пьян, чтобы осознавать, что ему грозит смерть от удушья, лежал в другом кресле, свесив голову через подлокотник. Барнаби Радж растянулся на диване, наполовину свесившись с него, и храпел, втягивая в себя воздух с невообразимым свистом, который действовал на расшатанные до предела нервы Мартина. Маленький спаниель, примостившийся на засаленном коврике под стулом Вариена, поменял позу и затих.

Мартин снова уставился на своего противника сквозь прикрытые веки. Равнодушно встретив его испытующий

взгляд, Бретт откинулся на спинку стула и посмотрел на Мартина в ответ с несокрушимым хладнокровием. Он уже давно потерял интерес к этой бесконечной игре, но его смоляные глаза по-прежнему подмечали каждую мелочь, а голова оставалась ясной.

Мартин несколько раз судорожно сглотнул, отчего мышцы вокруг его рта напряглись.

– Нет, – наконец со свистом вымолвил он. – Не сегодня.

– У меня сложилось иное мнение, – ледяным тоном, не терпящим возражений, заявил Бретт. Он почувствовал опасную вспышку раздражения. Уэстбрук был гордым человеком, он даже своим близким друзьям почти никогда не позволял разговаривать с собой так, как это только что сделал Мартин. – В чем ты нуждался, так это в хороших картах и удаче. Но у тебя не оказалось ни того, ни другого.

– Полагаю, ты согласишься подождать дольше положенных двух недель? – спросил Мартин, пытаясь выиграть время и оттянуть час расплаты. – За две недели мне не управиться со всеми делами.

Он залпом осушил бренди, остававшийся в бокале, затем огляделся по сторонам в поисках добавки. Не найдя ничего, кроме пустых бутылок, Мартин понял, что придется звать Неда. Он сомневался, что сможет подняться со стула, но яростным усилием воли заставил себя собраться и пересечь комнату. Пусть он в стельку пьян, но гордость не позволяла ему споткнуться на глазах у Бретта.

Мартин резко дернул за шнурок звонка.

– Это точно поднимет старого подлеца с перины, – угрюмо заявил он, но Бретт не удосужился отреагировать на его замечание, и Мартин был вынужден повернуться к Барнаби Раджу, чтобы хоть на кого-то выплеснуть свою ярость. – Адвокатам требуется целая вечность, чтобы что-то сделать, а потом они напускают таинственность, прикрывая свою нерасторопность. Черт меня дернул пригласить этого кровопийцу! – прорычал он и злобно пнул Барнаби, так что тот проснулся и испуганно заорал, изрыгая проклятия и воя от боли.

– Кто, черт подери, меня пнул?

– Я, – проворчал Мартин. – Ты храпел всю ночь.

– Это не причина для того, чтобы накидываться на спящего человека, – простонал Барнаби, – достаточно было попросить меня не храпеть.

– Попросить! – возмущенно фыркнул Мартин. – С таким же успехом я мог обратиться к этому паршивому спаниелю, – кипятился он, указывая на собаку, которая по-прежнему дремала под его стулом. – Я в жизни не слышал такого отвратительного рева. Не знаю, как ты можешь спать, издавая подобные звуки!

Он, шатаясь, побрел обратно к своему стулу, напрочь забыв о своих стараниях скрыть нетвердую походку, и плюхнулся на сиденье, чувствуя, что холодная ярость грозит уничтожить остатки его самообладания.

Ситуация выходила из-под контроля, а теперь еще и Бретт ухмылялся, глядя на него. Будь проклят этот надменный ублюдок! Он почувствует себя отомщенным, только отобрав у него все до последнего цента, но сперва надо придумать, как вернуть свое состояние. Но, как назло, в данный момент его голова ничем не отличалась от деревянной болванки.

– Господи! – жалобно простонал Питер Федерс, поднимая голову и открывая налитые кровью глаза. – Сколько бренди я выпил? – Приложив пальцы к вискам, он сморщился и закрыл глаза. – У меня в жизни не было такой головной боли. Торговец, поставляющий вино, определенно водит тебя за нос, старина. Иначе с чего у меня такая изжога?

– Черт подери! – выругался Мартин. – Теперь он всех перебудит.

Федерс попытался сесть, это оказалось ему не под силу, и он навалился на стол. Питер был смертельно пьян. Он проиграл огромную сумму, но на это ему было наплевать. Все, о чем он мог сейчас думать, – это как раздобыть еще бренди.

– Мне надо опохмелиться, – заплетающимся языком пробормотал он. Питер поднял бутылку, которую только что опустошил Мартин, внимательно посмотрел на нее и покачал с боку на бок.

– Пустая, – сказал он голосом человека, совершившего удивительное открытие, – нужна новая. Скажи своему слуге, чтобы поторопился, нельзя заставлять гостей мучиться от жажды.

– Твою голову надо сунуть под насос в конюшне, – раздраженно бросил Бретт, смерив Питера холодным взглядом. Он не водил дружбу с желторотыми юнцами, и его раздражала необходимость терпеть общество молокососа, который давно уже должен был быть в постели.

Компания подобралась самая разношерстная. Среди гостей был всего один человек, к которому Бретт питал некую симпатию, и этот человек только что открыл глаза. Сперва Эдвард Ханглсби не двигался, в то время как его взгляд, ясный и не затуманенный сном или алкогольными парами, неторопливо исследовал комнату и ее обитателей. После этого, испустив томный вздох, свидетельствовавший о пресыщении земными радостями, он сел.

– Полагаю, вы удивляетесь, почему я не отправился спать вместо того, чтобы сидеть, развальясь в кресле, в самый разгар игры, – сказал он, ни к кому в особенности не обращаясь. – В сущности, я и сам не знаю. Причина явно не в картах, которые были у меня на руках. И насколько я помню, если я должен это помнить, беседа тоже к этому не располагала, – заметил он, осуждающе взглянув на Федерса, на лице которого застыло бессмысленное выражение. – Принимая во внимание, что обслуживание в этом отвратительном заведении настолько уподобило мое пребывание здесь пребыванию в чистилище, поразительно, что я не удалился в ближайший трактир, пусть даже его владелец оказался бы неотесанным деревенщиной.

От этих замечаний ярость переполнила Мартина, но Эдвард почувствовал себя настолько лучше, выплеснув свое раздражение, что даже улыбнулся хозяину.

– Могу я, с вашего позволения, позвонить, чтобы принесли воды? – вежливо поинтересовался он с невинным видом. – Сомневаюсь, что этот напиток когда-либо украшал ваш стол, будь то в бокале или в бадье для мытья столов, – сказал он, с отвращением разглядывая пятна от вина, – но когда я пью плохой бренди, у меня разыгрывается мигрень, и единственная вещь, которая, кажется, мне помогает, – это вода.

Он откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, чтобы подчеркнуть крайнюю степень своих страданий, и приготовился ждать, когда Мартин позовет слугу.

– Я понимаю ваше состояние, – сообщил ему Федерс, от всей души сочувствуя товарищу по несчастью. – Я и сам довольно отвратительно себя чувствую, но вы же не собираетесь в самом деле пить воду? Уверяю, вам это не понравится. Выпейте еще бренди. Или, может, вам стоит попробовать пива.

Эдвард выпрямился, открыл глаза и устремил на Федерса убийственный взгляд.

– Не знаю, с чего ты решил, что знаешь, что лучше всего подойдет моему организму, – сказал он тоном, который привел в замешательство не одного закаленного аристократа, – но смею заверить, что ты ошибаешься. – Федерс моргнул от

такого выговора. – Я буду куда увереннее, что ты в целости и сохранности возвратишься в лоно своей семьи, если тоже воздержишься от бренди.

Совершив героическое усилие, чтобы взять себя в руки, Питер лучезарно улыбнулся Эдварду.

– Право, не стоит за меня беспокоиться.

– Прежде я за собой этого не замечал, – ответил Эдвард, ужаснувшись при мысли о таком нехарактерном для себя поведении.

– Вот только головная боль немного утихнет, и я буду как огурчик, – продолжил Питер. – Однако мысль о воде никогда не приходила мне в голову. Удивительно, что ты держишь у себя эту дрянь, Мартин!

– Заткнись, болван, – прорычал Вариен, после чего повернулся к Эдварду и свирепо уставился на него. – Нед с минуты на минуту принесет бренди, можешь попросить у него воды. Если кому-нибудь требуется что-то еще, пусть скажет об этом сейчас. Я не держу у себя бездельников, которые только и делают, что обжираются да наращивают себе бока, – воинственно заявил он. – И все-таки я получаю, что хочу, когда мне это необходимо.

Последние слова были обращены к Эдварду, но упомянутый джентльмен снова закрыл глаза. Он считал ниже своего достоинства препираться с Мартином.

– Пропустите рюмочку, – встрял Питер. Бурлившие вокруг страсти совершенно его не трогали. – Глупо волновать-

ся из-за такой чепухи, как вода. — Подавив сладкий зевок, он встал и потянулся всем своим длинным, гибким телом. Его взгляд упал на карты Мартина, и в его глазах тут же вспыхнул интерес. — Что за дрянные карты! У тебя же был вполне приличный набор до того, как я заснул.

Не замечая ни тяжелого взгляда Мартина, ни того, как тот стиснул зубы, Федерс перегнулся через стол, чтобы посмотреть на карты Бретта.

— Снова ободрал его как липку, да? — весело объявил он. — Черт, удача и впрямь на твоей стороне.

— Ты не играешь, так что сядь и закрой рот, — приказал Бретт, еле сдерживая раздражение.

— Не надо кипятиться, — сказал Питер, никак не отреагировав на оскорбление и то, что глаза Мартина налились кровью и опасно заблестели. — Мартин поступил, как последний болван, сделав ставку при таких картах, но это его деньги, и он может делать с ними все, что ему заблагорассудится.

Мартин привстал, кровожадно глядя на Питера, но Эдвард опередил его.

— Если мои уши меня не обманывают, — произнес он, приподнимая голову и устремляя взгляд на дверь, — это смерти подобная поступь добросовестного Неда.

Мартин снова опустился на стул, но его глаза по-прежнему опасно сверкали.

— Я много от тебя натерпелся, — презрительно сказал Эдвард Федерсу, — но глупого бормотания безусого юнца мне

не вынести, когда этот мерзкий бренди молотом стучит у меня в голове.

Однако его слова никак не повлияли на веселое настроение Федерса по той простой причине, что он не верил, что Ханглсби говорит серьезно.

– Где тебя носило? – требовательно спросил Мартин. – Я уж было начал надеяться, что ты умер.

– Так оно и будет, если я продолжу носиться туда-сюда по этим коридорам, – ответил седой слуга, отодвинув в сторону пустые бутылки и поставив бренди и бокалы перед Мартином. – Дорога в ад и та теплее, чем этот старый замок. – Он увернулся, когда Мартин вяло замахнулся на него. – Ваша светлость желает что-нибудь еще?

– Мистер Ханглсби не прочь получить воду. И не надо на меня так смотреть, – грубо бросил Мартин, увидев, что Нед недоверчиво вытаращил глаза. – Не я собираюсь ее пить.

– Вне всяких сомнений, мое отвратительное состояние лучше всяких слов говорит о качестве вашего бренди, – вкрадчиво произнес Эдвард.

От тихого голоса, неожиданно раздавшегося у него за спиной, Нед резко обернулся и споткнулся о саниеля Мартина. Тот взвизгнул и вцепился ему в лодыжку. Нед замахнулся на него.

– Только тронь собаку, и я пушу тебе кровь, – предупредил Мартин.

– Эта старая сука когда-нибудь оттяпает от меня кусок, –

возмутился Нед.

– Это будет малой платой за ее страдания.

– Мне в высшей степени неприятно прерывать вашу непринужденную беседу, но я настоятельно умоляю побыстрее принести мне воды, – пробормотал Эдвард приторно-сладким голосом. – Это мерзкое зелье, которое мы пили, так пагубно сказалось на моей тонкой натуре, что любая минута моей жизни угрожает стать последней. – Заметив недоверчивый взгляд Неда, Эдвард растянул губы в слабой улыбке. – Не стоит беспокоиться. Я не душевнобольной, и вам не потребуется никого звать на помощь, чтобы усмирить меня.

– Вам придется чуток подождать, – сварливо пробормотал Нед. – Мы не держим воды в доме ночью.

– Тогда прекрати стенать и поди прочь, – приказал Мартин.

Нед почти подошел к двери, когда Мартин крикнул ему вдогонку звенящим от раздражения голосом:

– Скажи моей сестре, что я хочу, чтобы она оделась и сразу же спустилась сюда.

Нед резко обернулся, от удивления позабыв про свой ревматизм.

– Но она крепко спит, – пробормотал слуга. – Она уже давно легла.

– Тогда разбуди ее, – прорычал Мартин. – Я хочу, чтобы сестра была здесь через пятнадцать минут, иначе я поднимусь и сам приведу ее.

Нед был не из тех, кто рискует своей шкурой ради другого, но предпринял последнюю попытку защитить хозяйку.

– Вы же знаете, она не спустится, раз у вас гости.

– Даю тебе пятнадцать минут, чтобы привести ее сюда, а не то натравлю на тебя собаку, – пригрозил Мартин.

Мартин понял, что Кейт отказалась покинуть спальню, как только Нед просунул голову в дверь, но сам не стал входить.

– Мисс Кейт говорит, что она не спустится ни в платье, ни в какой другой одежде, – торопливо сообщил он. – Она говорит, чтобы вы послали за проститутками из таверны, если вам нужно женское общество.

Нед успел захлопнуть дверь, прежде чем в нее врезалась пустая бутылка из-под бренди и разбилась вдребезги, усеяв выложенный каменными плитами пол острыми осколками стекла.

Мартин увидел, что уголки губ Бретта дрогнули, и ярость вскипела в нем, как лава после извержения вулкана. Этот ненавистный человек унизил его за карточным столом и лишил всей собственности, а теперь он еще и насмехается. Такого его воспаленный мозг уже не мог вынести, и он поднялся на ноги, почти ничего не видя перед собой из-за красной пелены, застилавшей глаза.

– Ах ты проклятый, никчемный сукин сын! – взвыл он, обращаясь к слуге, и, шатаясь, двинулся к двери. Но дряхлая фигура Неда уже скрылась в сводчатом проходе в конце

громадного коридора. — Я переломая каждую косточку твоего червивого тела, если моя сестра не спустится через пять минут! — прокричал Мартин вслед глухому эху удаляющихся шагов Неда, после чего потопал обратно в комнату, выхватил бутылку бренди из рук Федерса, поднес ее к губам и, запрокинув голову, жадно хлебнул содержимого.

Бретт с отвращением посмотрел на него, а Питер обиженно произнес:

— Право, старина, так не делается. Я с превеликим удовольствием отдал бы тебе всю бутылку, если бы знал, что она тебе нужна. Не знал, что от воплей просыпается такая жажда.

Мартин с размаху поставил бутылку на стол, вытянул огромную ручищу и схватил Питера за шейный платок.

— Закрой рот, пустомеля! — прорычал он. — Если ты не замолчишь хоть на пять минут, то я как пить дать повешу тебя на гвозде за твой щегольской платок.

Хватая ртом воздух, Питер извивался, пытаясь высвободиться, но он был слишком пьян, а Мартин слишком силен.

— Я сочувствую тебе, — раздался ледяной, жесткий голос Бретта, — но не думаю, что существует необходимость в столь крайних мерах. — Он уставился на Мартина со все возрастающей неприязнью. — И мне не хотелось бы, чтобы ты плохо обращался с беднягой Федерсом. Он последний представитель своего рода, и его семья все еще возлагает на него кое-какие надежды.

Из глаз Бретта исчезло веселье, тело его напряглось, слов-

но изготовившись для прыжка.

– Он и так безмозглый осел, – задохнулся Мартин, разъяренный вмешательством Бретта.

– Возможно, но это не твой осел. Уверен, ты можешь обойтись без членовредительства, пусть себе сидит в своем кресле. Не думаю, что ему там будет очень уютно, но он наверняка почувствует себя лучше, если сможет дышать.

Соппротивление Федерса становилось все неистовее, и Бретт продолжал пристально смотреть на Мартина с видом человека, привыкшего, чтобы его приказы исполнялись. Мартин заколебался и отпустил Федерса, задыхаясь от ярости, и этот смущенный джентльмен поковылял от греха подалее обратно к своему креслу.

– Я не собирался причинять вред этому молокососу, – прорычал Мартин. – Я хочу добраться до своей паршивки сестры. Шлюхи из таверны – надо же, как она заговорила! Я заставлю ее спуститься, даже если мне придется тащить ее за волосы полураздетую и слушать, как она визжит всю дорогу.

– Не представляю, как я переживу расставание с этой увлекательной мелодрамой, – нараспев произнес Эдвард полным разочарования голосом, – но пойду-ка я спать. Спрашивается: зачем я сюда пришел? Какой бы ни была причина, веской ее не назовешь. Я определенно чувствую себя так, словно вывалился в грязи.

Последние слова были настолько пропитаны презрением, что пробили бы шкуру куда толще, чем у Мартина, и тот

внутренне содрогнулся.

– Вам не следует ожидать изящных манер от Вариена, – сказал Бретт, не обращая внимания на то, что Мартина вот-вот хватит удар. – Разве вы не слышали, как он говорил, что предпочитает лошадь своей любовнице?

Мартин ударил кулаком по столу с такой силой, что бутылка с бренди подпрыгнула, а из двух стаканов выплеснулось содержимое.

– Ты не выведешь меня из себя своими оскорблениями! – прорычал он, захлебываясь от ярости, так что слова застре-вали у него в горле. – Мне всегда было наплевать, что ты обо мне думаешь, и настоящий момент не станет исключением.

Он повернулся к Эдварду и приблизил свое лицо к нему так, что их носы едва не соприкоснулись.

– А вы, мой неизменно деликатный и щепетильный джентльмен, можете снова сесть. У меня еще есть что вам сказать.

– Возможно, – ответил Эдвард, отодвигая лицо от почти пурпурной физиономии Мартина с нескрываемым отвращением, – но не вижу причины вдыхать воздух, который вы только что осквернили своим дыханием.

С нарочитым пренебрежением он прижал указательный палец правой руки с безупречным маникюром прямо к середине носа Мартина и медленно отодвинул его лицо от своего.

– Не вижу смысла продолжать эту ужасную игру, – вмешался Бретт, выведенный из терпения брюзжанием Марти-

на. — Предлагаю всем разойтись по своим комнатам. Утро вечера мудренее, и, может, после отдыха удача к тебе вернется.

— Мне не нужны твои советы, будь ты проклят! — крикнул Мартин; его взгляд был диким и бессмысленным. — Мне не нужны ничьи советы! Я хочу сыграть еще партию, и я не отступлюсь. Ты не можешь лишить меня возможности отыграться. — Он снова грохнул кулаком по столу. — Проклятие, дружище, ты должен продолжить игру!

Бретт бросил взгляд на груды монет и клочков бумаги, которые в беспорядке лежали перед ним на столе. Он с раздражением признал, что Мартин прав, но он выиграл так много, что не мог благородно отказаться от выигрыша.

— У меня не было намерения лишать тебя всей собственности, — презрительно бросил он. — Того, что я имею, хватает на мои нужды, а подходящее общество милосердия трудно найти.

— Не надо задирать нос только потому, что к тебе шла карта, — прорычал Мартин. — Я еще не закончил.

Бретт почувствовал раздражение от такого пренебрежения к своему карточному мастерству, но сохранил хладнокровие. Мартин снова сделал приличный глоток из бутылки и облокотился на стол.

— Борьба не закончена, — проскрипел он, но его язык уже начал заплетаться. — Я отыграюсь. — Он встал, пошатываясь, и повернулся кругом, словно ища что-то. — Где эта продажная девка, которая зовется моей сестрой? — завопил он. — Я

послал за ней сто лет назад.

В его голосе прозвучали плаксивые нотки. На заплетающихся ногах он подошел к шнуруку от звонка и начал дергать за него, как звонарь на колокольне.

– Вам известно, что я нахожу ваше общество поистине очаровательным, – пробормотал Эдвард бесцветным голосом, – но весьма вероятно, что ваша сестра не испытывает к вам симпатии в вашем нынешнем состоянии.

Тут Мартин так неистово дернул за шнурок звонка, что тот остался у него в руках, и он отшвырнул его, сопроводив свое действие шквалом злобных ругательств на предмет зачатия Эдварда и способа, которым он был произведен на свет. Шнурок угодил в бедро собаке, она подпрыгнула, возмущенно взвизгнув, и тут же угрожающе зарычала. В пылу дикой ярости Мартин бросился к ней и, шатаясь, пнул ее обрюзгшее стареющее тело – в ответ она укусила его за ногу. Взревев от боли, Мартин так жестоко ударил ее в нос, что она выпустила его икру и жалобно заскулила, съезжившись под градом сыплющихся на нее ударов.

– Тупая сука! – бушевал Мартин, ковыляя к двери и таща за собой визжащее животное. – Я не позволю ни одному существу женского пола пренебрегать моими приказами. На свою беду она узнает, кто в этом доме хозяин. – Он распахнул дверь и вышвырнул скулящую собаку в коридор, даже не взглянув на нее. – Не вздумайте расходиться! Я вернусь с этой порочной девкой, и тогда мы посмотрим, будешь ли ты

по-прежнему выигрывать.

Он так круто развернулся, что покачнулся на пятках, но быстро выровнял равновесие и, чеканя шаг, вышел из комнаты, с оглушительным треском захлопнув за собой дверь.

Эдвард поднял глаза, оторвавшись от созерцания своих безукоризненных ногтей, и с невозмутимым спокойствием обратился к собравшимся:

– Интересно, к какой из сук относилось его высказывание? Если он обращается с одной так же, как с другой, я ни сколько не удивлюсь, если мы увидим, как мисс Вариен вонзит зубы в его плоть. Мне не дает покоя мысль, что это будет подходящим ответом на нежную заботу, которую он так трогательно проявил о ней. Вы умный человек, – сказал он, повернувшись к Бретту. – Неужели вы не можете найти способ случайно разрядить в него пистолет? В сущности, меч тоже сгодится для этой цели. Я убежден, что если вы тщательно протрете после этого лезвие, то это не понесет за собой никаких мучительных последствий.

На лице Бретта не дрогнул ни один мускул, но Питер наверстывал упущенное за время долгого молчания.

– Этот парень чокнутый! Однажды моя кобылка так же себя вела. Я не мог с ней сладить. Она набросилась на конюха. Даже пыталась взобраться на дерево. Пришлось пристрелить ее. Такая жалость! У нее было самое лучшее плечо среди всех моих лошадок.

– Мне жаль твою кобылку, Питер, – заметил Бретт, не в

силах сохранить ровный тон голоса, — но мы в гостях у Мартина и не можем всадить в него пулю без всяких оснований.

— Напротив, — высказал свое мнение Эдвард, вынимая из кармана маленькую эмалированную табакерку, — я думаю, это великолепное предложение. Если бы мы предложили его останки спаниелю, с которым он так дурно обошелся, или той несчастной, замученной охотничьей собаке, которую он сегодня избил до полусмерти, чему я сам был свидетель, не осталось бы никаких улик нашего проступка.

— Ради всего святого, замолчите, — взмолился Бретт, — всем известно, что вы испытываете угрызения совести только по поводу неправильно подобранного жилета или салона, увешанного темно-красным бархатом.

Эдвард сморщился, словно проглотил лимон, но его глаза весело блестели.

— Неудивительно, — провозгласил как всегда доверчивый Федерс. — Это на кого угодно нагонит страху. Не то что бы я был завсегдатаем салонов, — задумчиво добавил он. — Вообще-то я их на дух не переношу. Там всегда полно уродливых девиц, норовящих заполучить колечко на палец и засунуть руку к тебе в карман.

— Если ты хоть на мгновение перестанешь молоть языком, — резко бросил Бретт, не сумев сдержаться, — то весьма вероятно, что твои глаза и уши смогут донести хоть какую-то крупицу знаний до твоей ужасающе пустой головы.

— Дорогой мой, оставьте попытки исправить все оплошно-

сти матушки природы, иначе вас ожидает чрезвычайно утомительная жизнь, – с манерной медлительностью произнес Эдвард. – Невзирая на все ее совершенство, временами старушка бывает удивительно легкомысленной. – Он поднялся на ноги и с удовольствием потянулся. – Мне действительно необходимо что-нибудь выпить. Смею предположить, что Нед вряд ли сегодня рискнет вернуться в эту комнату, и я его за это не виню, но мне жаль, что он не догадался снабдить меня указаниями, как пройти на кухню. От отчаяния я даже подумал о бренди, но после того способа, каким наш хозяин утолял жажду, я скорее предпочту насос в конюшне.

– Да прекратите вы носиться со своей водой! – приказал Бретт. – Вы становитесь таким же болтливым, как Федерс. Когда мужчина превращает свою экономку в любовницу, нечего ждать, что в его доме вас обслужат как подобает. А теперь прекратите расхаживать по комнате и сядьте. Не знаю, что задумал Мартин, но боюсь, вам понадобятся все ваши силы, прежде чем закончится эта бесконечная ночь.

– Кажется, он решительно настроен разыграть перед нами спектакль с трагическим финалом, – недовольно сказал Эдвард. – Если сестра хоть немного похожа на своего брата, развязка будет ужасной.

Покорно пожав плечами, он уселся обратно в кресло и приготовился терпеливо ждать.

Глава 2

Дверь распахнулась, и в комнату, словно заброшенная катапультий, влетела девушка – с такой скоростью, что споткнулась о шнурок от звонка и шлепнулась на колени Федерису. Изумленные зрители только дружно охнули. Она затравленно огляделась по сторонам и отодвинулась как можно дальше от незнакомцев, которые, вскочив, вытаращили на нее глаза. Она готова была потерять сознание от стыда, но ее пылающий неистовой яростью взгляд не желал признавать, что все ее тело дрожит от унижения.

Даже при таком тусклом освещении было очевидно, что Кейт Вариен потрясающе красива. Идеальный овал лица, сияющий нимб золотистых волос, утонченная прелесть черт лица и сливочно-персиковая нежная кожа – все это лишило зрителей дара речи. Но именно при виде ее фигуры, едва прикрытой изношенной ночной сорочкой, пульс Бретта бешено забился, и у него перехватило дыхание. Ее тело было телом не девушки, но молодой женщины – возбуждающее сочетание свойственной юности невинности и распутившейся чувственности. Бретт без труда разглядел очертания груди под тканью ночной сорочки – ее соски представляли собой маленькие средоточия желаний, отчего пульсирующая боль волной пробежала по его телу. От тонкой талии до стройных ног и изящных лодыжек она представляла

собой видение, способное разжечь дьявольский огонь желания в любом мужчине. Когда она, с горящими голубыми глазами и пылающими, как алые розы, щеками, повернулась к невольным зрителям, эффект был поразительным.

Именно Федерс, приросший к полу, словно библейский соляной столп, выразил всеобщее мнение.

– Боже Всемогуший! – заикаясь, вымолвил он голосом, исполненным благоговейного трепета. – Она прекрасна, как греческая статуя, разрази меня гром!

Сгорая от стыда, Кейт повернулась к Мартину, словно загнанный в угол зверек.

– Как ты посмел выставить меня на обозрение этим похотливым мужланам? Неужели пропил последние мозги?

Мартин дал ей пощечину, так что она пошатнулась и ударилась о массивную резную каминную полку, но прежде, чем он успел опустить руку, Бретт вскочил с кресла и сбил его с ног.

– Джентльмен не должен бить леди, даже когда он пьян, – сказал Бретт напряженным от ярости голосом, глаза его сверкали, как расплавленный оникс. – Поднимайся и попроси у нее прощения.

– Черта с два! – взревел Мартин. – Скорее я хорошенько разукрашу ей лицо!

Бретт схватил Вариена за грудки, поднял на ноги и снова ударил его так, что тот растянулся возле ножек стола.

– Извинись, или выбью из тебя эти слова, – мстительно

пригрозил он.

Потрогав челюсть, чтобы убедиться, что она цела, Мартин собрал остатки оцепеневшего разума, проглотил гордость и пробормотал что-то невнятное, что могло сойти за извинения. После чего доковылял до кресла и потянулся за бутылкой бренди.

Бретт повернулся к Кейт. Его пылающий взгляд медленно прошелся по ее телу с головы до пят. Вспыхнувший внутри огонь превратил его обычно упорядоченные мысли в хаос, и он почувствовал, как желание вырывается на свободу, словно разъяренный буйвол. Уэстбрук понимал, что опасно продолжать смотреть на нее, но она, несомненно, была самым прекрасным созданием из всех, кого ему доводилось видеть, и он не мог оторвать от нее глаз.

Кейт пришла в ярость от того, как глаза Бретта исследовали ее тело, но она, не дрогнув, выдержала его дерзкий, изучающий взгляд, хотя ее щеки зарделись от смущения. Почему он не отвернулся, как подобает приличному человеку?

«Ненавижу его, – про себя подумала она. – Ненавижу всех мужчин».

– Благодарю вас, сэр, – сказала она приторно-любезным голосом, в котором сквозила ирония. – Но прошу меня простить, если на моем лице отразилось изумление, вызванное вашей заботой о презренной женщине. Я не привыкла к уважению представителей вашего пола.

Бретт ответил не сразу, и Кейт показалось, что она увиде-

ла, как что-то мелькнуло в его глазах – нежность или сочувствие, – но быстро исчезло.

– Не могу представить, чтобы вас когда-либо можно было назвать «презренной женщиной», – резко заявил он, – но если вы будете продолжать стоять здесь полураздетая и препираться со мной, я буду вынужден согласиться с вашей оценкой.

Кейт переполнило такое негодование, что она тут же позабыла о своей оскорбленной скромности.

– Возможно, от вашего притуплённого бренди внимания укрылось, что я вошла в эту комнату не по доброй воле, – яростно выпалила она, сверкая голубыми глазами. – Потворствовать низменным страстям сильного пола никогда не являлось моей целью. Я ненавижу и презираю всех вас. – Она провела рукой по лицу, смахнув слезы жгучего унижения. – Даже вы должны понять, как трудно прикрыться, когда под рукой нет платья.

Она в отчаянии сжала кулачки и топнула одетой в домашнюю туфельку ногой по каменному полу.

Бретт не привык к женщинам, которые топают на него ногой или разбивают вдребезги его моральные устои. Он отчетливо ощущал, что более близкое знакомство с ней волеет живую струю в его жизнь, но это было не то знакомство, подумав, решил он, которое ему хотелось бы продолжить. Тем не менее на его губах появилась заинтересованная улыбка, смягчив серьезное выражение лица, и он медленно опустил-

ся в кресло, продолжая пристально смотреть на нее ничего не выражающим взглядом.

– Все это чрезвычайно занимательно, но в высшей степени неприлично, – сухо заметил Эдвард. – Мисс Вариен, боюсь, только ослепнув, эти обыкновенно учтивые джентльмены перестанут столь откровенно пожирать вас глазами. Я также предполагаю, что всякая моя попытка помочь вам покинуть эту комнату вызовет сопротивление со стороны Мартина. Боюсь, это весьма существенно сужает круг возможностей найти выход из неловкого положения.

Он взял свой небрежно брошенный на спинку стула плащ для верховой езды и накинул большое, тяжелое одеяние на плечи Кейт. Она была слишком зла на Бретта, поэтому смогла только кивнуть Эдварду в знак благодарности.

– Она может вернуться в спальню, – сказал Бретт. Его спокойные слова были обращены к Эдварду, а глаза – к Мартину. Взгляд Эдварда метнулся от Бретта к Мартину и снова вернулся к Кейт.

– Она моя сестра, и будет делать то, что я ей прикажу! – выкрикнул Мартин.

– Только если это будет совпадать с ее желаниями, – парировал Бретт. Его неумолимый взгляд пресек возражения Мартина. – Вы желаете удалиться, мисс Вариен?

Кейт не знала, что ответить. То, что кто-то помог ей, встав на ее защиту, само по себе было неожиданным и невероятным, но то, что этот незнакомец бросил вызов Мартину,

только чтобы избавить ее от смущения, было выше ее понимания. Она взглянула на брата и внутренне содрогнулась от злобы, сверкавшей в его глазах. Этот незнакомец может защитить ее сейчас, но его не будет здесь ни завтра, ни послезавтра на случай, если Мартин решит выместить на ней свое дурное настроение. Кроме того, не случится большой беды, если она побудет здесь еще несколько минут. Она уже была смущена до такой степени – ни, что дальше некуда.

– Благодарю вас, – наконец вымолвила она, – но я останусь ненадолго. Должно быть, я зачем-то понадобилась Мартину, и мне довольно тепло в этом плаще.

Кейт плотнее закуталась в свое одеяние, которое едва доходило ей до лодыжек, что она вряд ли замечала.

Бретт холодно кивнул и сел. Его хмурый взгляд пылал яростью. Он без труда догадался, что за причины крылись за ее ответом, и мысль о том, что с ней могут дурно обойтись в его отсутствие, приводила его в бешенство.

Осушив очередной бокал бренди, чтобы оправиться от грубого обращения Бретта, Мартин хлопнул ладонью по столу, прервав поток затейливых, но путаных комплиментов Федерса.

– Довольно, щенок, – взревел он, не обращая внимания на вспыхнувшие от гнева щеки Питера, и раздраженно повернулся к Бретту. – Я требую, чтобы ты дал мне еще одну возможность отыгаться. – Он вскочил и подтащил свою сестру к Бретту. – Я намерен поставить последнее, что у меня есть,

против своих долговых расписок.

Воздух вокруг него взорвался протестующими криками и возгласами недоверия, но взгляд Мартина был прикован к лицу Бретта.

– Именно так, – прорычал он. – Моя сестра против моих расписок.

– Не будь дураком, – приказал Бретт резким, срывающимся голосом. – Никто не ставит на кон своих родственников.

– У меня нет другого выхода. Она все, что у меня осталось, – заявил Мартин, вперив в Бретта хищный взгляд – И, Бог свидетель, она стоит всех гиней на столе да еще нескольких в придачу. Посмотри на нее! Тебе когда-нибудь доводилось видеть что-то подобное?

Вариен попытался стянуть плащ с плеч Кейт, но ее пальцы изо всех сил вцепились в складки безупречно скроенного одеяния, и она с умоляющим видом повернулась к Эдварду.

– Благодарю вас за столь трогательное доверие, моя дорогая, – сказал он, печально улыбнувшись, – но вы выбрали не того человека. Я, разумеется, приложу все усилия, чтобы защитить вас, но убежден, что вам лучше заручиться помощью мистера Уэстбрука.

– Она может не снимать этот чертов плащ, – выругался Мартин. – Бретт и так ее видел. Ты знаешь, что она привлекательнее, чем все титулованные красотки, которых ты обычно соблазняешь. И тебе не придется ждать, когда наступит полночь или пока ее муженек уедет из города, чтобы немно-

го поразвлечься. — Он перегнулся через стол и понизил голос до заговорщического шепота. — Разве не приятно иметь под боком пылкую возлюбленную, которую ты можешь обнять, когда тебе заблагорассудится? Она лакомый кусочек. Немного норовиста, но ты найдешь к ней подход, употребив свое знаменитое обаяние.

Бретт не привык выносить на всеобщее обсуждение свою личную жизнь, и оттого, что столь интимные подробности преданы гласности перед нежным созданием, все внутри его закипело.

— Ты, ничтожная свинья, — резко бросил он. — Я готов заключить с тобой любое пари, но я не торгую людьми.

— Парень совсем рехнулся, — встрял Федерс, который вот уже несколько минут издавал странные звуки. — Я не прочь сыграть в карты, как любой мужчина в самом соку, но я не стал бы ставить на кон свою сестру, даже если бы она у меня была, хотя ее у меня нет, потому что я единственный ребенок в семье.

— Полагаю, только смерть может заставить его замолчать, — простонал Эдвард.

— Мне плевать, что ты думаешь, молокосос, — прорычал Мартин. — Я предлагаю ее Бретту, и он обязан принять любую мою ставку.

— Не представляю, каким образом Бретт сумеет соблюсти кодекс чести, приняв вашу ставку? — откашлявшись, возразил Эдвард. — Возможно, для вас мисс Вариен не представ-

ляет никакой ценности, но она человек, хотя и женщина, и заслуживает уважительного отношения. Но тащить ее через весь замок в полуобнаженном виде, а затем предлагать в качестве ставки в карточной игре! Такое поведение бросит тень на всех нас.

– Уэстбрука не волнует, что о нем скажут люди, – взорвался Мартин. – Он достаточно богат, чтобы не считаться с мнением общества!

– Я почти обезоружен данью восхищения с твоей стороны, – резко заметил Бретт, – но впредь прошу тебя не принимать попыток объяснить моим друзьям, кто я такой.

Мартин вспыхнул, но не отвел взгляда.

– Ты почти прав, – продолжил Бретт. – Я заключаю практически любое пари, но я еще не настолько пьян и не настолько пренебрегаю правилами приличия, чтобы бросать кости на твою сестру. Выдай ее замуж, если она тебе надоела. С такой внешностью ты без труда найдешь ей партию и сбудешь с рук. Почему бы не сосватать ее нашему юному Федерсу?

Кейт прикусила губу, чтобы сдержаться. Как он смеет говорить о ней в таком тоне, словно она вещь, которой распоряжаются по своему усмотрению? Он ничем не лучше Мартина – безжалостный человек, привыкший добиваться своего, не считаясь с чувствами других людей. Она нисколько не удивится, если выяснится, что он соблазнил половину женщин в Лондоне.

– Ты настолько богат, что, наверное, сможешь найти с полдюжины владений, о которых даже и не подозревал, – нетерпеливо буркнул Мартин, – но Кейт – все, что у меня осталось. Ставлю ее против целого имения. Ты не можешь Мне отказать.

Все это время Барнаби Радж сидел молча, но, услышав последнее заявление, он повернулся и уставился на Мартина. Его пороссячи глазки расширились и заинтересованно сверкнули.

– Имения? – спросил он.

– Заткнись, Барнаби, – предупреждая рывкнул Мартин. – Это не твое дело.

Его взгляд был таким свирепым, что остальные подумали, что Вариен может наброситься на своего тучного друга. Нисколько не обеспокоенный грозным взглядом Мартина, Барнаби, похоже, хотел что-то сказать, но передумал и откинулся на спинку кресла.

– Поступай как знаешь, – пробормотал он. – Это не мои деньги.

– Совершенно верно, – огрызнулся Мартин. – И Кейт не твоя сестра. Если у кого-нибудь еще на языке вертятся высокопарные слова и слезливые сантименты, лучше оставьте их при себе. Спрашиваю в последний раз, – сказал он, снова поворачиваясь к Бретту, – ты согласен заключить со мной это пари или ты позволишь этим мягкотелым помойным крысам уговорить тебя пойти на попятную?

– Вне всяких сомнений, он сражен красноречием, с которым ты излагаешь свои соображения, – промурлыкал Эдвард, но Мартин продолжал смотреть на Бретта, как кошка смотрит на мышиную нору.

– Ну же, не заставляй меня ждать всю ночь, – взорвался Мартин. – Черт подери, ты не посмеешь оставить меня в таком положении. Я требую удовлетворения!

Бретт оторвал взгляд от Кейт. Он боялся, что если будет продолжать разглядывать девушку, то пойдет на любой риск, чтобы заполучить ее. Он сказал себе, что никто не играет на людей, что человек не может принадлежать другому человеку, но, взглянув на Кейт, он почувствовал, что примитивный инстинкт обладания понравившейся вещью грозит похоронить под собой лоск благовоспитанного джентльмена.

– Тебе не приходило в голову, что я могу выиграть и на этот раз? – спросил Бретт в надежде, что сможет убедить Мартина отказаться от безнравственного предложения.

– Я выиграю! – яростно закричал Мартин. – Я должен выиграть.

– Ты подумал о чувствах сестры? – Бретт вытянул руку, чтобы предупредить бурную вспышку гнева Мартина. – У меня нет ни малейшего желания увозить ее силой. Я предпочел бы путешествовать с дерущимися петухами, нежели с женщиной, впавшей в меланхолию или бьющейся в истерике.

– Я ее опекун, и она сделает, как я прикажу, – продолжал

орать Мартин, но Бретт прервал его излияния.

— Как вы относитесь к тому, чтобы стать ставкой в игре на большие деньги, мисс Вариен? — спросил он голосом, в котором звучали насмешливые нотки.

— Женщинам всегда отводилась роль ставок в игре «на большие деньги», как вы осторожно выразились, — сказала она, смерив его презрительным взглядом. — Всякий раз, когда мужчина берет женщину в жены, он обращает внимание только на ее внешность, воспитание, приданое, род и способность производить на свет наследников. Если бы моим приданым было целое имение и вы бы просили у Мартина моей руки, суть осталась бы прежней, вот только Мартин, похоже, потерял свое имение, и у меня нет приданого.

Бретт пристально посмотрел на нее — из его взгляда исчезло скупающее и насмешливое выражение, а вместо этого в его темных глазах появился вопрос. Но Кейт смотрела на Мартина. Она знала, что рискует погубить свою репутацию, покинув Райхилл с Бреттом, но Мартин не выпускал ее из стен замка четыре года. Он мог убить ее и сбросить тело в подвал, и никто бы об этом не узнал.

— Что касается того, что меня поставили на кон, — наконец продолжила она, — то это все равно бы случилось, не сегодня, так завтра. Мартин проиграл мое приданое — известно ли вам, что у девушки без гроша за душой почти нет шансов получить достойное предложение руки и сердца? И вы видите, как он со мной обращается. — Она потеряла щеку, на кото-

рой уже появился синяк. — Пройдет несколько лет, моя красота увянет, и я уже не смогу пленить потенциального мужа.

— Не может быть, чтобы все было столь ужасно! — воскликнул Эдвард, напуганный печалью в ее голосе.

— Откуда мужчине знать, каково это — быть женщиной? — требовательно спросила она, повернувшись к нему с неожиданной яростью. — Вы приходите и уходите, когда вам вздумается, и ваша честь никогда не ставится под вопрос, а я сижу под замком, словно пленница, и никто не может мне помочь, даже если бы захотел.

Она расплакалась, и Федерс, которого ее слезы вывели из оцепенения, предложил ей свой носовой платок, но снова сел, когда девушка, яростно взмахнув рукой, отвергла его любезный жест.

— Вас не волнует моя участь! — укоризненно крикнула она им в лицо. — Вы просто смущены тем, что попали в такое неприятное положение, и надеетесь, что оно скоро закончится.

Девушка зарылась лицом в плащ, чтобы спрятать горячие слезы.

Она сказала правду, и от этого Бретт еще больше разозлился. Теперь, будь все проклято, Эдвард и Федерс ждут от него, чтобы он разрешил это отвратительное недоразумение. Что, скажите на милость, ему делать с этой девчонкой? Он всегда мог проиграть, но этот выход был уже неприемлем. Кейт немного успокоилась, но слезы все еще блестели на ее

ресницах. Бог свидетель, она была красивейшей из девушек, которых ему доводилось встречать. Он чувствовал, как его пульс начинает бешено биться и желание охватывает его тело от одного взгляда на нее. Она обладала умом, красотой и силой духа. Он резко повернулся к Мартину:

– Я принимаю твою ставку, но только на моих условиях.

– Я согласен на любые условия.

– Ты меня не дослушал, – презрительно оборвал его Уэстбрук и замолчал, чтобы в голове прояснилось от выпитого бренди. – Если я выиграю, то все отойдет твоей сестре. Ты покинешь этот замок, как только уладишь все формальности, и откажешься от всех прав на нее.

– По рукам, – нетерпеливо пробормотал Мартин. – Давай уже начнем игру.

– Я еще не закончил, – продолжил Бретт. – Я не заключаю пари на деньги, только на имение. – Глаза Мартина округлились. Он нервно пожевал губами. – Радж твой поверенный? Мартин кивнул.

– Тогда запомни мои слова. Я не хочу, чтобы позже возникли какие-то вопросы. Если Мартин выиграет, он получит имение без всяких разговоров, но деньги на столе и сумму в размере его годового дохода получит мисс Вариен в качестве приданого.

Мартин, казалось, готов был взбунтоваться, однако кивнул в знак согласия.

– Через несколько дней я уезжаю в Париж, но пришлю

своих адвокатов, чтобы те уладили дела с банком и убедились, что мисс Вариен обосновалась в Лондоне и ей подыскали подходящую компаньонку. И последнее – я не собираюсь снова бросать эти осточертевшие кости. Мы снимем колоду, и каждый возьмет по одной карте. У кого окажется старшая карта, тот и выиграл.

Мартин вперил в Бретта неподвижный взгляд. Его глаза горели ненавистью, но он зашел так далеко, что уже не было пути назад. И эта продажная девка, его сестра, смотрит на Бретта как на рыцаря, несущего возмездие! Позже он разберется с ней. Она скорее сгниет в преисподней, чем получит от него хоть пенни!

Бретт, казалось, прочитал его мысли.

– Если ты согласишься на мои условия и не выполнишь их, я собственноручно порву тебя на части.

– Я сказал, что выполню, черт подери! – прорычал Мартин. – Давай начнем.

– Гляди, мне понадобится твоя помощь, – сказал Бретт Раджу. – Эдвард перетасует карты, но я хочу, чтобы ты еще раз перетасовал их. Потом Федерс снимет колоду и сложит ее. Этого достаточно, Мартин?

– Я справлюсь без твоей помощи, будь ты проклят! – взорвался Мартин, но карты подготовили в соответствии с указаниями Бретта, и вскоре они аккуратной стопкой лежали перед Марином.

Какое-то время он пристально смотрел на них, затем вы-

тянул руку и накрыл ладонью колоду. Все присутствующие затаили дыхание. Кейт чуть не стало дурно от страха, когда пальцы Мартина нервно скользнули по краю колоды, замерли и снова двинулись, опасаясь сделать выбор, от которого зависело так много. Затем мгновенно его пальцы сомкнулись вокруг карт, и он перевернул полколоды лицом вверх. Мартин с торжествующим воплем вскочил на ноги – он вытащил короля червей.

– Исключительно неподходящая карта, – выпалил Эдвард. Такая поспешность была несвойственна ему. – Вам придется вытащить карту еще лучше, старина.

– Тихо! – прикрикнул на приятеля Бретт.

Его нервы были натянуты до предела. С лица Кейт исчезли все краски. И дураку было понятно, что она не сомневается в его проигрыше. Но Бретт помнил, что ее нельзя оставлять на милость брата. Он резко вытянул руку и перевернул верхнюю карту. Перед ним лежал туз пик.

– Бог мой, удача сама лезет тебе в карман! – восхитился Федерс. Эдвард, расслабившись, прислонился к каминной полке, а Кейт, у которой внезапно подкосились ноги, тяжело оперлась о маленький столик.

Из горла Мартина вырвался рык. Он опрокинул стол – бутылка с бренди и бокалы полетели на пол и разлетелись на мелкие кусочки.

– Ты заколдовал карты! – выкрикнул он в бешеной ярости. – Ни одному человеку не может так везти. Ты обманом

отобрал мои владения, а теперь еще хочешь, чтобы моя сестра удовлетворяла твою грязную похоть. Я не позволю тебе забрать все! Я не...

Бретт вскочил со стула со скоростью нападающей кобры. Он рывком поднял Мартина со стула и бросил на опрокинутый стол, ударив головой о темную дубовую столешницу со звонким треском, который сразу же оглушил Вариена.

– Я вдоволь наслушался тебя за ночь, – выдавил Бретт сквозь стиснутые зубы. – Ты все настаивал на том, чтобы мы повышали ставки, ты весь вечер заключал нелепые пари, и ты потребовал, чтобы я принял твою сестру в заклад. А теперь, вместо того чтобы признать свое поражение, как подобает мужчине, ты скулишь и обвиняешь меня в тайном сговоре с дьяволом! – Бретт отшвырнул от себя Мартина, словно какую-то мерзость. – Встань на ноги и посмотри в лицо своей сестре. Теперь она здесь хозяйка.

Федерс бросился к Бретту и похлопал его по спине.

– Здорово! Я говорю, здорово! – С сияющим лицом он повернулся к Кейт, которая по-прежнему опиралась о стол. – Кто бы мог подумать, что эта ночь закончится тем, что вы отправитесь в Лондон? Сам я там никогда не был, но уверен, у вас все сложится просто замечательно.

– Сделай одолжение, постарайся сдержать свой восторг, – сказал Эдвард, чтобы прервать душевные излияния Федерса, прежде чем Кейт лишится чувств. – Я тоже уверен, что мисс Вариен станет любимицей света, но в данный момент мне

кажется, что ей больше необходим стул, чем приглашение в «Олмак».

Он взял Кейт под локоток и подвел к своему креслу, после чего повернулся к Бретту. К нему вернулась его обычная учтивость.

– Это был довольно умный ход, друг мой, но, передав имение юной девушке, с которой вы не связаны ни родством, ни договором, вы наверняка вызовете множество домыслов, характер которых может оказаться губительным для репутации мисс Вариен.

– Адвокаты могут представить дело так, будто Мартин сам передал все имущество своей сестре, – устало пробурчал Бретт. Начиная сказываться напряжение долгой ночи. – В данный момент меня больше заботит ближайшее будущее. Думаю, будет лучше, если мы все вместе сопроводим мисс Вариен в Лондон, но ей необходимо где-то остановиться. Моя двоюродная тетушка Линдси приютит ее на этот сезон, особенно когда хорошенько рассмотрит ее и узнает, что она богатая наследница, но она не может показаться в таком виде. – Кейт съежилась, когда он осуждающе указал пальцем на ее фигурку, по-прежнему завернутую в плащ Эдварда. – Ей придется обзавестись приличной одеждой и познакомиться с нужными людьми. Вы как раз тот светский лев, который необходим мне, чтобы позаботиться обо всех этих вещах, пока я буду в отъезде.

– Вы слишком торопитесь, – запротестовал Эдвард. – Я

очень не люблю казаться нелюбезным, хотя нисколько не возражаю против того, чтобы быть таковым, но я никогда прежде не исполнял роль дуэньи при юной девушке и не собираюсь менять свои привычки.

– Вы все слишком торопитесь, – провозгласил из угла голос Руджа. – Это не ваши деньги, и вы не можете ими распоряжаться.

– О чем это ты? – требовательно спросил Бретт, сдвинув брови. – Мартин проиграл все свое имение. Все здесь, на этих клочках бумаги. Возможно, это не изложено по форме, как ты предпочитаешь, но тем не менее это долговое обязательство.

Равнодушно выслушав презрительную тираду Бретта, Рудж отыскал глазами Мартина, который отошел подальше от обступивших Кейт мужчин.

– Сомневаюсь, что Мартин выполнил бы это обязательство, но в данном случае он и не может его выполнить. Согласно завещанию отца Мартин вступит во владение имением, только когда ему исполнится тридцать пять лет, он женится и произведет на свет наследника. К тому же он должен выделить десятую часть своего дохода или сумму, равную доходам, полученным за два года, в качестве приданого для своей сестры! Или пока его попечители не почувствуют, что он достаточно остепенился, чтобы не проиграть в пух и прах свое наследство, что он попытался сделать этой ночью. До тех пор он не имеет права ни продать имение – даже его

часть, — ни заложить его, ни законным путем получить под него ссуду. Единственные деньги, которые у него есть, — это доход, который выплачивается ему каждые три месяца, и он проиграл их еще до полуночи. Все остальное — обман.

Глаза всех присутствующих обратились туда, где в гордом одиночестве стоял Мартин. По обыкновению, Федерс заговорил первым.

— Грязная свинья! — воскликнул он. — Подумать только, мы уступали ему, позволяя устанавливать правила, которые никому не нравились, и все это время он водил нас за нос!

— По всей видимости, данный вечер будет иметь излишне мрачное завершение, но так или иначе такой финал как нельзя лучше подходит к остальным событиям этой адской ночи, — сказал Эдвард, тщательно разглаживая складки на жилете. Его взгляд остановился на Мартине, обдав того жгучим презрением. — Полагаю, нет нужды говорить, что вы поступили в высшей степени недостойно. Я уйду, как только позволят обстоятельства, и больше никогда не переступлю порог этого дома. До тех пор, сделайте одолжение, не заговаривайте со мной. А если в будущем вам хватит наглости обратиться ко мне, я буду вынужден сделать вид, что не узнал вас!

Эдвард запнулся, потому что ему показалось, как Кейт всхлипнула, но когда он обернулся, та сидела, вытянувшись в струнку, с гордо поднятой головой. Ее лицо превратилось в бесстрастную маску. Что за великолепное создание, поду-

мал он. Как она может состоять в родстве с Мартином?

Кейт подняла ничего не выражающие глаза на Бретта. Ее голос был напряженным и немного дрожал, но она решительно заговорила:

– Благодарю вас за великодушный и заботливый жест. Я надеялась, что каким-то образом получу деньги, которых хватит на скромную жизнь, но если этому не бывать, я не стану попусту тратить время и роптать на судьбу. Я только хочу знать, что вы собираетесь со мной делать.

В эту минуту Бретт с радостью задушил бы Мартина голыми руками. Он спланировал все так, что, как бы ни легла карта, Кейт получила бы свободу, но вместо этого все закончи лось тем, что она оказалась у него на руках. Может, он и хотел увидеть ее в своей постели, но не хотел нести за нее ответственность и определенно не знал, что с ней делать. Он неосторожно обмолвился о своей тетушке, которая может для начала им помочь, но он не мог поручиться, что она примет под свое крылышко дебютантку, пусть даже у той будут красота, богатство и связи с влиятельными людьми. Он был более чем уверен, что она захлопнет дверь перед его носом, если он покажется с нищей девушкой, чей брат – двуличный трус. Боже, он окончательно запутался!

Взгляд Бретта встретился с взглядом ясных голубых глаз Кейт, которая с такой надеждой смотрела на него, и все мысли о леди Линдси вылетели у него из головы. Бог свидетель, она была красавицей, от одной мысли о которой у мужчины за-

кипает кровь. Девушка по-прежнему куталась в плащ Эдварда, но, глядя на нее, он не мог не представлять, как она лежит, обнаженная, в его объятиях, но в ней было что-то еще, что притягивало его. Бретт не мог дать этому определения, но, может, в этом и была причина, по которой он согласился на абсурдное пари Мартина.

– Сколько времени вам понадобится, чтобы собраться? – требовательно спросил он, отбросив осторожность. – Даю вам два часа. – Бретт вытащил часы. – К тому времени уже достаточно рассветет, чтобы мы могли тронуться в путь. Постарайтесь не опаздывать.

Кейт направилась было к двери, но обернулась и посмотрела на Эдварда.

– Благодарю вас за доброту, – застенчиво вымолвила она. От ее неожиданной благодарности Эдвард смущенно переступил с ноги на ногу. – Надеюсь снова увидеть вас при более благоприятных обстоятельствах, но, если этого не произойдет, пожалуйста, знайте, что я никогда вас не забуду.

Она торопливо вышла. После ее ухода в комнате повисла неловкая тишина.

Эдвард поднял глаза и посмотрел на Бретта. Мужчины не проронили ни слова, но их взгляды какое-то время были прикованы друг к другу, пока Эдвард наконец не заговорил. Его голос вибрировал от ярости.

– Вы слепец и дурак! Она никогда не примет вас на таких условиях.

Бретт выругался.

Глава 3

Бретт с излишней яростью натянул перчатки. Первые проблески зари уже показались сквозь просветы между деревьями, и только отсутствие Кейт мешало ему тронуться в путь. Эдвард и Питер ждали вместе с ним, а Мартин заперся наверху в библиотеке с очередной бутылкой бренди, и Бретт надеялся, что он не выйдет оттуда. Как коротко выразился Питер, не нужно заставлять себя разговаривать с обманщиком, но нельзя игнорировать этого проклятого парня, будучи его гостем.

– Можно, и я определенно так и сделаю, – весьма категорично заявил Эдвард, но Бретт был склонен согласиться с Федерсом, поэтому нетерпеливо постукивал ногой, желая поскорее покинуть этот злополучный дом.

– Вы не могли бы усмирить свою ногу? – пожаловался Эдвард язвительнее, чем обычно. – В моей многострадальной голове даже нежнейший звук отдается раскатом грома, что грозит лишить меня зрения.

Бретт неохотно выполнил его просьбу. У него самого голова разрывалась от боли, и решение уехать с первым лучом солнца означало, что он проведет большую часть дня в трясущей карете, а не в уютной постели. Он поймал себя на том, что пытается не винить Кейт за эти неудобства, за свою обычную реакцию на красивую девушку, но при мысли

о том, какое удовольствие может подарить ее тело, кровь начала пульсировать в его болезненно чувствительных висках, что удвоило его мучения.

Уэстбрук не представлял, как разрубить этот гордиев узел. Почему он не отказался от пари или не вернул деньги Мартину? Возможно, ему безразлично, что скажут о нем люди, но Кейт не могла позволить себе пренебрегать предписаниями светского общества. Он всегда предпочитал ни к чему не обязывающие отношения, которые мог прекратить, как только они ему наскучат, и тем не менее позволил навязать на свою шею незамужнюю девушку, у которой даже не было горничной. Он не знал наверняка, каким образом можно содержать девушку, не нарушая приличий, но он точно знал, что, перепоручив ее своим адвокатам на время своего пребывания в Алжире, он только отложит проблему в долгий ящик и, возможно, даже усугубит ее. Однако всякий раз, как Бретт принимал решение оставить ее в Райхилле, от воспоминания о теле Кейт, вырисовывающемся под почти прозрачной тканью ночной сорочки, его пронзала дрожь предвкушения. Она была стоящим трофеем, и он не мог дать ей ускользнуть.

Появление Кейт прервало бесплодные грезы Бретта. На ней была шляпка, которая была скорее практичной, чем модной, тяжелая голубая шерстяная накидка поверх темно-синей ротонды¹, серое шерстяное платье, высокие серые лайко-

---

¹ Ротонда – верхняя теплая женская одежда без рукавов в виде накидки. – Здесь

вые ботинки на пуговицах и рукавицы вместо муфты. Неизвестно, что было тому причиной – нужда или умысел, но, казалось, она нарочно оделась так, чтобы выглядеть как старая дева, и тем не менее она оставалась самым прекрасным созданием, на которое когда-либо падал взгляд Бретта, и она притягивала его взор, словно магнит.

– Прошу прощения за то, что заставила вас ждать, – извинилась она, – но я не могла найти никого, кто помог бы мне спустить вниз чемоданы. Мне пришлось оставить один из них наверху, прямо на лестничной площадке.

– Я схожу за ним, – вызвался Федерс, смягчив своей юношеской галантностью неловкую паузу.

– Прошу прощения за то, что доставляю вам столько беспокойства, – благодарно произнесла Кейт, – но мне не под силу было нести сразу два чемодана.

– Что вы, какое беспокойство? – улыбнулся он. – Леди никогда не должна сама нести свой багаж.

– По крайней мере я не опоздала, – сказала она, повернувшись к Бретту, – только мой чемодан.

– Не забивайте себе голову.

– Вы определенно именно так и поступили, – сказала она, сделав ударение на слове «вы». Увидев, как глаза Бретта сузились от гнева, она мило улыбнулась. – Если джентльмены не могут нести багаж, то как мы погрузим его в карету? Уж не собираетесь ли вы попросить об этом мистера Федер-

са?

Эдвард вопросительно поднял брови, но Бретт не на шутку разозлился.

— Никому из нас нет необходимости нести багаж. Об этом позаботится мой камердинер.

Словно по сигналу рядом с Бреттом появился Чарлз.

— Положи этот чемодан и тот, за которым пошел мистер Федерс, в карету вместе с дорожным сундуком мисс Вариен. Мы отправляемся, как только их закрепят.

Кейт с завистью наблюдала, как Чарлз поднял чемодан, стоявший у ее ног, избавил подросшего Федерса от его ноши и безмолвно выскользнул за дверь.

— Должно быть, приятно иметь вышколенного слугу, который все за тебя делает, — вздохнула она.

— Это не приятно, — с некоторым удивлением заявил Федерс, — это необходимо. Моя мать даже пальцем не пошевелит, пока на ее зов не сбегутся по крайней мере шестеро.

— Мы не можем заставлять лошадей ждать, — сказал Бретт, которому не терпелось уехать, и предложил Кейт руку, вынудив ее прервать свою прощальную речь.

Кейт почувствовала, как в ней самой поднимается волна негодования, но она поблагодарила Эдварда и Питера и удивила всех, встав на цыпочки и поцеловав их обоих в щеку. Федерс покраснел с головы до пят и начал заикаться. Эдвард принял этот дружеский жест со своей обычной невозмутимостью, но, к изумлению Бретта, наклонился и запечатлел

поцелуй на лбу Кейт.

– Да пребудет с тобой Господь, моя дорогая, – нежно прошептал он.

«Боже правый, – подумал Бретт, – даже Эдвард ведет себя как сэр Галаад. Мне лучше увезти ее отсюда, пока он не потребовал, чтобы я открыл свои намерения».

Никем не замеченный, Мартин стоял в дверях библиотеки и наблюдал за этой четверкой, но когда Кейт повернулась, чтобы уйти, он бросился в вестибюль. Глаза его странно сверкали.

– Ты настолько потеряла всякий стыд, что собираешься уехать с этим человеком? – угрожающе крикнул он.

Его слова раздули уже вспыхнувший огонь гнева Кейт, и она швырнула ответ ему в лицо:

– Тебе не к лицу строить из себя оскорбленную добродетель, дорогой брат. Ты проиграл меня в карты и еще имеешь наглость спрашивать, собираюсь ли я уехать с этим человеком? – Кейт умолкла, чтобы перевести дыхание, и продолжила с еще большим пылом: – Да, я собираюсь уехать с ним или с любым другим, кто предложит мне это. Это неприлично, и я не так надеялась покинуть свой дом, но я предпочитаю уползти отсюда на четвереньках, чем провести еще хоть день в этом проклятом месте.

Она круто развернулась и вышла в настежь распахнутую дверь.

Мартин проскользнул мимо Бретта с почти пурпурным от

ярости лицом.

– Убирайся вместе со своим сукиным сыном, и пусть тебя заклеят шлюхой! – вопил он, стоя на ступеньках. – Но учти, если ты сейчас уйдешь из этого дома, то больше никогда в него не вернешься!

Кейт как раз забиралась в карету, но остановилась и повернулась лицом к брату.

– Ничто и никогда не заставит меня вернуться в этот дом, пока ты жив!

Она забралась в карету и захлопнула за собой дверцу. Мартин, словно вихрь, промчался обратно через вестибюль и захлопнул дверь в библиотеку с такой силой, что висевшие над ней оленьи рога обрушились на пол.

– Бог мой, не семейство, а ураган, – промурлыкал Эдвард.

– Тише, вы, старый лис, – предостерег его Бретт. Его губы неохотно растянулись в улыбке, прогнав хмурое выражение с лица. – Постарайтесь, чтобы вас не убили, пока меня не будет. Иначе кто меня будет развлекать? Сделай все возможное, чтобы никто ничего не узнал о том, что здесь произошло, – обратился он к Федерсу. – Не думаю, что Мартин станет распускать язык, но он слишком глуп, чтобы понять, что лучше для него самого.

Он обменялся рукопожатием с обоими мужчинами и стремительно вышел из дома.

Воспоминания теснили друг друга в голове Кейт, в то время как карета мчалась по узкой дороге. Ее охватило чувство

потери. Райхилл был ее домом с самого рождения, здесь она созрела как женщина, здесь были ее корни, он представлялся ей чем-то постоянным и неизменным, словно вековой дуб. Мир, в который ей предстояло вступить, не мог предложить ей такой гавани.

Но с Райхиллом были связаны также горькие воспоминания, и в последнее время это были похожие друг на друга видения боли и страха. Она ввязалась в опасную авантюру, но почувствовала облегчение, когда башни замка скрылись за деревьями. Теперь она может начать жизнь с чистого листа. Она не знала, что принесет ей следующий день, но если рядом с ней будет этот черноглазый незнакомец, то ее жизнь наверняка будет полна приключений и волнений. После стольких лет фактического заключения она с нетерпением ждала и того и другого.

– Я не спал всю ночь и ужасно устал, – без предисловия заявил Бретт. – Я дал кучеру указания менять лошадей по мере необходимости, снабжать вас едой и питьем. Есть еще какие-нибудь пожелания, прежде чем я усну?

Он устало посмотрел на Кейт – выражение его лица было отнюдь не ободряющим.

– В данную минуту – нет, – ответила она. В ее глазах вспыхнули искорки гнева. Да, этот мужчина вел себя отвратительно грубо. – Обещаю, что не стану вас будить, пока у дверей не появятся разбойники.

– Не стоит этого делать даже в этом случае. Позади вас

висит заряженный пистолет.

— Но мне никогда не доводилось пользоваться огнестрельным оружием, — испуганно вымолвила Кейт.

— Это довольно легко. Надо просто прицелиться и нажать на курок.

Не сказав больше ни слова, Бретт натянул на себя плед из овечьей шерсти и откинулся на мягкую обивку сиденья. Через несколько секунд Кейт услышала мягкий звук его размеренного дыхания.

Пусть Бретт был высокомерным, эгоистичным грубияном, но Кейт не могла долго на него сердиться. Во сне его мужественное лицо обрело почти ангелоподобную красоту, которая, на ее взгляд, никак не вязалась с резким, бесстрастным характером. Черные волосы густыми волнами поднимались от высокого, широкого лба; благодаря густым бровям и длинным черным ресницам глаза особенно выделялись на его лице. У него были изящно очерченный нос и полные твердые губы. Кожа — смуглой и тщательно выбритой, без темной дымки, которая часто украшает лицо мужчин с густыми, темными волосами.

Он спас ее от Мартина, и даже будь Бретт похож на тролля, для нее он все равно был бы привлекательным. Но Уэстбрук явился ей прекрасным принцем из сказки. Кейт чувствовала себя попавшей в беду девицей, которую в последнюю минуту спас ее рыцарь в сверкающих доспехах, но было бы куда приятнее, если бы он не заснул спустя минуту после

удачно завершеного спасения.

Чуть слышно вздохнув, девушка перевела взгляд на пустынный и унылый пейзаж. Небо было почти безоблачным, но в воздухе висел белый туман, и ветер был резким и колючим — он взмывал ввысь к вершинам холмов и устремлялся вниз, в долину, со скоростью падающего сокола. Порыв ветра ворвался в карету, так что Кейт пришлось глубже зарыться в плед. Нигде не было видно ни одной птицы или зверя, и только время от времени показывались хижина или более солидное жилище. На деревьях не было ни листочка — их голые силуэты вырисовывались на фоне враждебного неба, отнимая всякую надежду, что когда-нибудь наступит весна. В воздухе чувствовалось приближение снежной бури.

«Пусть она разразится, — подумала Кейт, пытаясь преодолеть страх перед неизвестностью. — Может, нас даже занесет снегом».

Тогда у нее будет больше времени, чтобы придумать, как ей быть. Девушка не имела ни малейшего понятия о том, как подыскать себе место. Она даже не знала, какую работу могла бы выполнять. У матери никогда не находилось времени, чтобы обучить ее премудростям ведения домашнего хозяйства, а отец считал, что давать образование девочке — значит попусту тратить время. Ей повезет, если удастся получить должность экономки в каком-нибудь захолустье, но даже это лучше, чем стать камеристкой.

Кейт засмеялась. Она не имела ни малейшего представ-

ления о том, что входит в обязанности камеристки, даже самой посредственной. Скорее всего она будет вынуждена стать компаньонкой какой-нибудь старой сварливой дамы или скрести горшки и кастрюли на кухне.

Кейт имела некоторое представление о том, что происходит с незащищенными девушками, в особенности хорошенькими, и на мгновение пожалела, что не осталась в надежных стенах Райхилла, но тут перед ее глазами возникло лицо Мартина, и все сожаления о поспешном отъезде испарились. Да, нет ничего ужаснее, чем стать чьей-то любовницей, но если ей повезет, то она сможет отложить кое-что на будущее.

Будущее... Единственным приемлемым будущим для такой девушки, как она, был брак с состоятельным джентльменом, за коим последовали бы рождение детей и хозяйственные хлопоты. Мартин позаботился о том, чтобы у нее не было приданого, чтобы на ее пути попало как можно меньше подходящих женихов, а теперь еще и опорочил ее имя. Ни один мужчина в здравом уме не женится на ней после всего, что произошло.

Она боролась со слезами, собрав всю свою волю в кулак. Нет, только не на глазах у этого грубияна, которому настолько безразлична ее судьба, что он безмятежно спит! Однако Кейт было настолько жаль себя, что наконец две большие слезинки скатились по ее щекам, словно капли весеннего дождя по оконному стеклу. Она даже не попыталась стереть их, просто закрыла глаза и позволила им течь.

Бретт пошевелился, и Кейт на мгновение затаила дыхание, не в силах остановить слезы, но через какое-то время снова услышала его ровное дыхание. Ругая себя последними словами, она принялась искать платок. У Бретта он наверняка есть, подумала Кейт, но она скорее позволит ручейкам слез высохнуть на щеках, чем попросит его об одолжении.

Наконец девушка отыскала отделанный кружевом квадратик и принялась промокать им лицо. Почему женщинам обязательно надо плакать? Слезами делу не поможешь. Плачущая женщина выглядит смешно и неизменно приводит мужчин в ярость. Почему она не может ругаться и вызывать людей на кулачный бой и нелепые дуэли? Она устала подчиняться чьим-то прихотям.

Девушка вытерла лицо и попыталась успокоиться. Жалость к себе не даст ответа ни на один вопрос. Она знала, что ей придется обсудить свои планы с Бреттом, но для этого следовало сначала привести мысли в порядок. Надо что-то придумать, поскольку Бретт определенно не собирался за нее это делать.

Кейт раздраженно фыркнула. Бретт Уэстбрук, гордость английской аристократии, любимец салонов от Лондона до Парижа, лежал, развалившись, в углу своей кареты и по виду ничем не отличался от обычного человека. Знаменитый своими интригами со знатными женщинами и внушающий страх высокомерной учтивостью своих изысканных манер, сейчас он лежал, растянувшись на сиденье, в смятой одеж-

де, с небритым лицом и растрепанными волосами. Кейт чуть не рассмеялась. Возможно, он самый красивый мужчина на свете — она была вынуждена признать, что не в силах побороть волнение, вызванное его близостью, — но она не собиралась влюбляться в человека, соблазнившего половину женщин в Лондоне.

Кейт тут же одернула себя. Он пришел ей на помощь. Она была вне себя от потрясения, когда Мартин втащил ее в комнату, и поэтому в тот момент не ощутила сладостный трепет наслаждения, который позже охватил ее, когда она вспомнила, как Бретт сбил Мартина с ног, наслаждения, которое испытывает каждая женщина, когда двое мужчин, кем бы они ни были, дерутся из-за нее. От этого Кейт почувствовала себя невероятно красивой — никогда, глядя в зеркало, она не испытывала подобных чувств, и даже воспоминание о плаще для верховой езды, в который была закутана ее полуобнаженная фигура, было бессильно отобрать у нее этот миг абсолютного удовлетворения.

Кейт подавила желание вытянуть руку и поправить прядь волос у него на лбу. Дрожь волнения пробежала по ее телу при мысли о том, чтобы по-настоящему коснуться его, — предвкушение было сладостным, но она боялась того, что произойдет, если он проснется. Сейчас Бретт был спокоен, но в нем чувствовалась какая-то необузданная сила, которая немного пугала ее, сила, которая могла раскинуться, словно сеть, и поймать в ловушку любого, кто окажется поблизости,

сила, которая могла затянуть своих жертв в водоворот, и те даже не поймут, насколько сильно они увязли. Покинув Райхилл, Кейт и так совершила из ряда вон выходящий поступок, и теперь ей надо было тщательно просчитывать каждый шаг.

Кейт внимательнее рассмотрела Бретта, признав, что с каждым часом он все сильнее притягивает ее, и поймала себя на мысли, что рядом с таким человеком дела никогда не будут обстоять совсем плохо. Но она тут же закрыла глаза и откинула голову на подушки, пытаясь отогнать слезы. Он не принадлежал ей и не был ее надеждой и опорой.

Мартин пулей влетел обратно в библиотеку. Его разум был охвачен ненавистью ко всем, кто способствовал его позору. Он в ярости заскрежетал зубами, вспомнив о язвительных и уничижительных замечаниях Эдварда и о том, как этот треклятый щенок Федерс набросился на него в его же собственном доме. Как бы то ни было, именно на плечи Кейт и Бретта Мартин возлагал бремя вины за ураган неприятностей, обрушившийся на него, и он намеревался отомстить им самым безжалостным способом, какой только сможет придумать.

Он легко приструнит Кейт, как только вернет ее обратно в замок. Сейчас она смотрит на Бретта влюбленными глазами и думает, что тот защитит ее. Потаскушка! Он получит огромное удовольствие, разрушив ее иллюзии.

Ему придется убить Бретта. Мартин знал, что не сможет

сделать этого в честной схватке, но его не остановит болтовня о благородстве. Он убьет его, даже если придется всадить нож ему в спину.

Но сначала надо заняться Кейт, и просто вернуть сестру Мартину было недостаточно. Должен быть какой-то способ сделать это так, чтобы опозорить Бретта. От отчаяния с его губ слетело громкое ругательство, и спаниель, который снова лежал возле его стула, поднял голову, подумав, что хозяин разговаривает с ним. Когда Мартин продолжил мерить шагами комнату, собака снова опустила голову на лапы, но ее глаза зорко следили за тем, как он, шатаясь, расхаживает взад и вперед.

К этому времени Мартин выпил столько бренди, что его голова по ощущениям напоминала свинцовую гирю, и собрать мысли воедино можно было только гигантским усилием воли. Он прислонился лбом к холодному мрамору каминной полки, надеясь, что это поможет прояснить разум. Он стоял не двигаясь так долго, что собака прекратила свое бдение и закрыла глаза.

Внезапно Мартин вскинул голову, и его глаза сосредоточенно уставились в одну точку, в то время как мозг лихорадочно работал, пытаясь ухватить смутную мысль, прежде чем та успеет ускользнуть. Возбуждение росло в его душе по мере того, как план все отчетливее вырисовывался в его воспаленном мозгу.

– Наконец-то этот проклятый ублюдок у меня в руках! –

дикого расхохотался Мартин и опрокинул в себя остатки бренди. Теперь он может отдохнуть – спешить некуда, времени достаточно. В сущности, будет лучше, если они отъедут подальше, и еще лучше, если проведут ночь в каком-нибудь трактире.

От крика Мартина спаниель вскочил, оскалив зубы и ощерившись. Он успокоился, увидев, что в комнате нет посторонних, но держался настороженно. Что-то в смехе Мартина насторожило животное. Собака выпрыгнула в распахнутое окно, и с той минуты стоило ей только завидеть хозяина, как она принималась глухо рычать и забивалась в самый укромный уголок.

Полуденное солнце в последний раз золотистой дланью рассыпало свои неяркие лучи по пустынным полям и рано удалилось на покой. К пяти часам тяжелые сумерки опустились на безлюдные деревенские просторы. В этом месте деревья, с веток которых все еще не облетели сухие, бесполезные листья, росли ближе к обочине, и теперь их ветви царапали бока кареты. Дорога казалась темным, бесконечным туннелем, ведущим к краю света, и Кейт невольно плотнее закуталась в плед. Она оторвала взгляд от окна и снова откинулась на подушки. Непосредственная близость Бретта значительно успокоила ее, пусть тот и спал безмятежным сном.

Внезапно тишину зимнего вечера грубо разорвали два pistolетных выстрела рядом с каретой. Кейт выпрямилась и, округлив глаза, так что те чуть не вылезли из орбит, устави-

лась на четырех всадников, которые словно по волшебству появились ниоткуда на взмыленных лошадях с пистолетами наготове. Прежде чем она успела оправиться от потрясения и разбудить Бретта, чья-то рука разбила окно, так что на пол брызнул дождь из стекла, и приставила пистолет прямо к голове Уэстбука. Кейт зажала рот рукой, чтобы заглушить крик.

Пистолет держал здоровенный головорез в длинном, тяжелом плаще, неряшливой вязаной шапке и натянутой на лицо маске из чулка. Второй мужчина, тоже с пистолетом в руке, стоял у другой двери. Что им нужно? Кейт предполагала, что у Бретта есть деньги, но ей Мартин никогда не давал денег, и если у них и оставались фамильные драгоценности, то они либо были отданы на хранение попечителям, либо проданы за наличные. Все, что у нее было, – это не представляющие никакой ценности бусы и перламутровые серьги.

Бретт продолжал спать, его дыхание было по-прежнему ровным и спокойным. Что за несносный человек! Спать, когда он больше всего ей нужен!

Мужчина у разбитого окна заговорил первым:

– На этот раз нам попалась красотка, Сэм. С таким-то личиком она наверняка с ног до головы увешана бриллиантами. – Его глаза засверкали от предвкушения. – И как раз вовремя! В последнее время почти нечем было поживиться.

– Заткнись, Джо, – прорычал Сэм. – Ты слишком много болтаешь. Давай начинай, и не забудь про сейф этого

джентльмена. Бриллианты по-своему хороши, но нет ничего приятнее звона гиней.

Мужчина по имени Джо просунул голову в окно.

– Да не расстраивайтесь вы, мэм. Мы не тронем ни вас, ни вашего мужа. Просто отдайте деньги и драгоценности и езжайте себе с Богом.

– Брось любезничать, Джо, – нетерпеливо рявкнул Сэм.

– Ты никогда не знал, как обращаться с дамами, – с важным видом ответил Джо.

Тут раздался властный голос, свидетельствующий, что у его обладателя заканчивается терпение.

– А ну кончайте спорить, или я вас обоих огрею прикладом.

– Гоните ценности, мэм, – сказал Джо. От его прежней любезности не осталось и следа. – Мы не можем торчать весь день на обочине.

Если бы это зависело от Кейт, то она отдала бы все деньги, которые были у Бретта в карманах, даже не удосужившись разбудить его. Он был настолько богат, что даже не заметил бы исчезновения такой маленькой суммы.

– Знаю, это прозвучит неправдоподобно, но у меня нет ни денег, ни драгоценностей, ничего хоть сколько-нибудь ценного. Я очень бедная женщина. Этот джентльмен сопровождает меня в Лондон, где я надеюсь подыскать себе место.

Кейт без труда прочитала недоверие, написанное на их лицах, и постаралась пересилить отвращение оттого, что вы-

нуждена раскрывать подробности своей жизни разбойникам с большой дороги.

– Вы должны мне поверить. Будь я богата, неужели я была бы так одета? – Она откинула плед и показала им свое незамысловатое одеяние. – Я предпочла бы отдать вам все, что у меня есть, чем получить пулю в лоб.

Джо не знал, как ему быть дальше. Он видел, что на Кейт не было украшений, и одежда ее, несомненно, была очень скромной. У нее даже не было горничной. Однако она ехала в роскошной карете, и на мужчине рядом с ней была дорогая одежда.

– Все они говорят одно и то же, – предупредил Сэм. – Если она не отдаст нам все по-хорошему, мы вытащим ее из кареты и обыщем. Мы найдем драгоценности, даже если придется сорвать с них всю одежду.

– Эй, вы там, поторапливайтесь! – раздался нетерпеливый голос. – Неужто вам не по зубам ограбить девчонку и спящего мужчину?

Кейт побелела, словно полотно.

– Но я же говорю, у меня нет денег. Ни шиллинга. – Она лихорадочно пошарила рукой под пледом. – Вот, обыщите мой ридикюль.

Она швырнула его через разбитое окно прямо в Джо, как раз когда Сэм, не слезая с лошади, нагнулся, чтобы открыть вторую дверь.

Глава 4

Дальнейшие события разворачивались столь стремительно, что Кейт так и не смогла отчетливо вспомнить, какую роль она сыграла в этой драме. Неожиданно брошенная сумочка застала Джо врасплох, и он запоздало взмахнул руками, пытаясь поймать ее, прежде чем она упадет на землю. Его лошадь, напуганная тем, что в ее голову бросили какой-то предмет, встала на дыбы и резко отскочила в сторону. Несколько секунд, которые оказались для него роковыми, Джо был полностью поглощен попытками удержать ридикюль, вернуть равновесие, не выпасть из седла и успокоить лошадь, и этого времени Кейт хватило, чтобы сдернуть заряженный пистолет, висевший на стене у нее над головой, и выстрелить прямо ему в грудь. Она съежилась, когда Джо, устремив на нее испуганно-изумленный взгляд, согнулся пополам и мешком свалился на землю. Его обезумевшая от страха лошадь развернулась и помчалась галопом вниз по дороге.

В ту самую секунду, как Кейт бросила ридикюль, ожил Бретт. Он стремительно подался вперед, вцепился в дверь и с громким треском ударил ею по голове Сэма. Практически рефлекторно он выхватил из кармана маленький пистолет и всадил пулю ему между глаз. Его лошадь ускакала вниз по дороге вслед за лошастью Джо.

Главарь банды, изумленный быстрым и неожиданным поворотом событий, тут же перестал следить за козлами, где под его суровым взглядом сидели кучер и Чарлз. Чарлзу пришлось бросить поводья на дорогу, чтобы достать второй пистолет, спрятанный в сапоге, и выбить третьего вора из седла. Четвертый разбойник, который держал лошадей, бросился наутек, прежде чем Чарлз успел перезарядить пистолет.

Все закончилось так же внезапно, как и началось.

Кейт не осознавала, что делает, и теперь недоуменно моргала, глядя на дымящийся пистолет в своих руках, в то время как до ее сознания постепенно начало доходить, что она убила человека. Девушка отшвырнула пистолет, словно это была свернувшаяся в клубок змея. Он с глухим стуком приземлился у ее ног, и она задрожала – от слабости и потрясения.

– Отличная работа, мисс Вариен. – Звук голоса Бретта проник сквозь ужас, который обрушился на сознание Кейт, грозя задушить разум. – Меня особенно впечатлила быстрота вашей реакции, – продолжил он более дружелюбным тоном. – Я не знал, как обмануть бдительность одного головореза так, чтобы успеть пустить пулю в другого. Бросить ридикюль ему в лицо – такой ловкий трюк мне еще не доводилось видеть.

В конце концов Бретт, похоже, понял, что Кейт в шоке. Он наклонился, взял ее руки в свои и крепко сжал.

– Успокойтесь, девочка моя. Вы испытали страшное по-

трясение, но вы справитесь с ним тем быстрее, чем меньше будете об этом думать. Мы скоро сделаем остановку, и вы почувствуете себя гораздо лучше, когда немного отдохнете и плотно поужинаете.

В его голосе слышались сочувствие и некоторое понимание, и Кейт крепко сжала его руки – сила и тепло его пальцев успокаивали ее.

– Я же сказала, что не стану будить вас, пока у дверей не появятся разбойники, – сумела вымолвить она, растянув дрожащие губы в улыбке.

– Вы так и сделали, но я не ожидал, что вы столь не уклонительно будете придерживаться своего обещания.

Он впервые улыбнулся ей, по-настоящему улыбнулся, и Кейт почувствовала всепоглощающее желание спрятать лицо на его широкой груди и забыть о жестокой действительности, в которой она убила человека. Вместо этого девушка усилием воли взяла себя в руки. Она его, по сути, не знала, и, хотя он выглядел как ответ на девичьи молитвы, страшно было даже подумать о том, чтобы позволить себе такие вольности с мужчиной, который не являлся ее родственником.

– Я не собиралась раскисать, словно кисейная барышня. Просто я никогда не стреляла в человека, и уж тем более не убивала его. Я держала пистолет в руках от силы пару раз в жизни. Я сделала это не подумав. – Кейт выдавила из себя мрачную улыбку. – С этим не так легко смириться.

Бретт слегка пожал ее пальцы и выпустил ее руки.

– Возможно, – не без сочувствия сказал он, – но это легче пережить, чем оказаться раздетой догола посреди дороги и быть изнасилованной всей этой чертовой шайкой. Должно быть, их логово где-то рядом.

У Кейт чуть не остановилось сердце. Как он может говорить о том, что ее могли похитить, так спокойно, словно обсуждает приглашение на званый вечер? Неужели у него нет сердца? Неужели ничто не в силах взволновать его?

Бретт вылез из кареты и в данный момент бесстрастно осматривал тела убитых мужчин. Он даже не расстроен, подумала Кейт, а там повсюду кровь. Этого зрелища ее расшатанные нервы уже не смогли выдержать, и она тихо лишилась чувств, откинувшись на подушки.

Снаружи Бретт некоторое время с отвращением рассматривал три тела, после чего перевел суровый взгляд на слуг. В его ледяном взоре читался вопрос.

– Знаю, о чем вы думаете, сэр, – сказал Уолкер, кучер, опередив Бретта, – но эти деревья растут слишком близко к дороге, и мы с Чарлзом продрогли и устали, сидя здесь с самого утра. – Взгляд Бретта не смягчился. – Ни один человек не сможет быть начеку весь день, особенно когда холод превращает мозги в кусок льда. Мы давно должны были остановиться, но мисс Вариен не велела нам вас будить.

– Мы поговорим об этом позже, – только и сказал Бретт. Он поднял ридикюль Кейт и занес ногу, чтобы забраться в карету.

– Что нам делать с этими телами? – спросил Уолкер.

Бретт замер, поставив ногу на нижнюю ступеньку.

– И что вы предлагаете мне с ними сделать? – зловеще поинтересовался он.

– Я не знаю, – ответил Уолкер, который, несмотря на потрясение, не растерял решимости, – но нельзя же оставлять их на дороге.

– Почему нет?

– Кто-нибудь ничего не подозревающий может наткнуться на них, – пояснил Уолкер. – Его непременно хватит удар.

– Думаешь, будет лучше, если мы положим их в карету рядом с мисс Вариен или привяжем к крыше вместе с чемоданами? – спросил Бретт. – Конечно, мы можем похоронить их у обочины, но чем выкопать яму? Я собирался во Францию, а не в Америку.

Уолкер осознал всю несерьезность своей затеи и сдался.

– Где вы желаете сделать остановку? – осведомился он.

– Приблизительно в часе езды отсюда есть деревенька под названием Литтлдин. В первую очередь позаботишься о том, чтобы завтра у нас были свежие лошади, а потом можешь договориться, чтобы починили окно. После можешь доложить об убитых шерифу.

Позабыв о мертвых разбойниках, Бретт забрался в карету и захлопнул дверцу. И застыл, увидев, что Кейт лежит в углу на своем сиденье. Он пощупал ее пульс – тот был сильным и ровным. Его лицо расслабилось, и он уселся на свое сиде-

нье. Карета снова тронулась. Бедняжка пережила тяжелый день, и будет лучше, если он оставит ее в покое. Скоро она сама очнется, и ни к чему пытаться разбудить ее, пока они не приедут в Литтлдин.

Кейт выглядела такой беззащитной, что Бретт почувствовал, как в нем просыпается врожденное стремление защитить, и поймал себя на том, что борется с внезапно возникшим желанием заключить ее в свои объятия и охранять, пока она не проснется.

«Тебе лучше держаться от нее на безопасном расстоянии, – резко сказал он себе. – Она и так расстроила твои планы, и ты не можешь позволить ей снова отнимать у себя время, если намерен попасть во Францию вовремя».

Тем не менее, не сумев удержаться, Бретт позволил себе слегка провести кончиками пальцев по тыльной стороне ее руки. Он может задержаться на пару дней и проследить, как она устроится в Лондоне. Он знал, что не сможет уехать из страны, пока не убедится, что она будет в безопасности до его возвращения.

Кейт открыла глаза, но очертания предметов были размытыми, и она не могла вспомнить, где находится. Она лежала в полузабытии, наслаждаясь приятным покачиванием. Девушка снова чувствовала себя маленькой девочкой, которую старая нянюшка укачивает перед сном на коленях. Постепенно она различила в тумане фигуру человека и услышала доносившийся откуда-то издалека голос, который мягко звал ее.

Она не видела лица, но была уверена, что это ее нянюшка зовет ее, чтобы она заканчивала играть и шла домой. Она попыталась побежать, но не могла пошевелиться. Кейт напрягла все свои силы, чтобы откликнуться, но ее голос прозвучал странно. Слова отдавались эхом в ее ушах, словно она разговаривала в длинной, узкой пустой комнате, и казалось, что звук исходит не из ее тела.

Тут она внезапно проснулась и поняла, что смотрит в лицо мужчине, которого никогда раньше не видела. Из ее горла вырвался приглушенный крик, и она резко села. Бретт склонился над ней, пытаясь ее разбудить, — его лицо было так близко, что девушка чувствовала его теплое дыхание на своей щеке. Он пододвинулся к ней с искренней заботой на лице.

— Вы в порядке? Я подумал, что вы просто упали в обморок, но, когда вы закричали, я засомневался. Вы уверены, что хорошо себя чувствуете?

Кейт попыталась улыбнуться, но не смогла и вместо этого кивнула.

— Ну ладно, если вы уверены, — с сомнением сказал он, — но скажите мне, если почувствуете себя плохо. Я, конечно, не медсестра, но мы вместе с Чарлзом что-нибудь придумаем.

Кейт выпрямилась. Она высвободила свои руки из его рук и попыталась привести себя в порядок. Этот чисто женский ритуал развеселил Бретта.

– Вы прекрасно выглядите. Для женщины, которая только что застрелила вора и пришла в себя после обморока, я бы сказал, вы выглядите восхитительно.

Глаза Кейт округлились от страха.

– Застрелила человека? Значит, мне это не приснилось. Это правда!

Она задрожала, и с ее лица исчезли все краски. Бретт снова взял ее за руки, и на этот раз она не стала возражать.

– Вам нечего бояться, будь то констебль или ваша собственная совесть, – сказал он. – В первый раз нелегко убить человека, но вы защищались, и я чертовски рад, что вы это сделали.

Кейт не смогла ни сдержать ужас, вызванный его словами, ни остановить поднимающуюся внутри ее волну истерики.

– Как вы можете быть настолько бессердечным? Даже разбойники с большой дороги тоже люди. – Она растеряла последние крохи самообладания – слезы потекли по ее лицу, а голос стал тонким и жалобно-плаксивым. – Вы человек или дьявол, как сказал мой брат? Скольких людей вы убили, или вы даже не знаете?

Бретт пытался поговорить с ней, но изящные черты ее лица исказились от ужаса, и, казалось, она его даже не слышит. Он потерял ее руки, но дикое выражение ее испуганных глаз не смягчилось, тогда он взял ее за плечи и легонько потряс, но от этого ее мягкое, податливое тело напряглось, и истерика только усилилась. Наконец Бретт исчерпал весь запас идей,

но казалось, что она по-прежнему скатывается все дальше и дальше за грань, где кончается рассудок. В отчаянии он наотмашь ударил ее по лицу.

Кейт резко выпрямилась и вскинула руки к щекам, вытаращив от изумления глаза. Ее помраченный разум прояснился, и она обратила пылающий взор на своего обидчика.

– Как вы посмели меня ударить! – выкрикнула она сочащимся яростью голосом. – Вы ничем не лучше Мартина! Раздаете пинки женщинам, словно лошадям, на которых ездите, ни разу не попытавшись понять нас или наши страхи!

Бретт уставился на нее со стремительно растущим гневом, но Кейт сама была потрясена своей вспышкой. Сделав над собой громадное усилие, она взяла себя в руки. Когда она снова заговорила, ее голос звучал спокойнее, но слова по-прежнему были похожи на острые льдинки.

– Прошу прощения, что накричала на вас, и не могу выразить словами, как я сожалею, что упала в обморок, – подчеркнуто церемонно произнесла она. – Я могу отнести это только на счет потрясения, вызванного тем, что я стала убийцей. – Сейчас я чувствую себя лучше и буду премного благодарна, если вы не станете заговаривать со мной, пока мы не подъедем к трактиру.

Бретт чуть не вышел из себя. Кем она себя возомнила, эта ничего собой не представляющая девчонка из захолустья, что разговаривает с ним, как с лакеем?

– Успокойтесь, – сказал он. – Я в равной степени жажду

избавиться от необходимости поддерживать разговор с мегерой, которая в ответ на учтивую заботу вопит так, что закладывает уши. Знаете, ваше присутствие не очень-то поднимает настроение мужчины. При взгляде на вас мой разум охватывает почти невыносимое искушение, но ваш сумасбродный характер убивает всякое стремление к наслаждению.

– Довольно трудно почувствовать благодарность в ответ на звонкую пощечину. Может, если я чуть-чуть потренируюсь, то научусь улыбаться и говорить спасибо.

– Я ударил вас не со зла. Просто у меня под рукой не оказалось кувшина с водой.

– Простите великодушно, если я не сумела отличить пощечину, которую дают со зла, от той, которая досталась мне для моего же блага, – презрительно сказала Кейт.

– Обещаю держаться от вас подальше до конца пути, – процедил Бретт сквозь стиснутые зубы.

– Хотелось бы, чтобы вы поскорее нашли место, где мы можем заночевать, – ответила Кейт, придя в себя после его грубых слов. – Я сижу в этой карете с семи часов утра, и у меня все тело ломит от усталости. К тому же я проголодалась и хочу спать.

– Меньше чем через час мы сделаем остановку. Это всего лишь маленькая гостиница, но там о вас хорошо позаботятся. Я прослежу, чтобы вам подали ужин в комнату, но вам придется к завтрашнему дню преодолеть неприязнь ко мне, чтобы мы могли обсудить ваше будущее. Через два дня я

должен быть в Париже.

Он отвернулся от нее и уставился в окно на сгущающиеся сумерки.

Кейт пристыженно замолчала. К этому времени ее страхи Улеглись, и она поняла, что Бретт всего лишь пытался ей Помочь. А она в ответ повела себя, как бешеная кошка!

подавив гнев, она заставила себя как можно спокойнее сказать:

– Прошу прощения за то, что наговорила вам грубостей и обидных слов, но все эти события совершенно выбили меня из колеи. Я признательна вам за заботу и действительно благодарна за то, что вы для меня делаете.

– Мне не нужна ваша благодарность, – прорычал Бретт, которого явно не смягчили ее слова.

– Тем не менее я вам благодарна, несмотря на то что вы самый грубый человек на земле, – вспыхив, ответила она. – Пусть вы в десять раз богаче любого дворянина в Англии, это не причина, чтобы кичиться своей черствостью.

– А вам, моя прекрасная мегера, стоит осторожнее выбирать слова, не то вы прослывете самой ядовитой женщиной королевства.

На мгновение две пары сверкающих глаз уставились друг на друга, отчего воздух между ними чуть не раскалился добела. Кейт первая опустила глаза, рассеяв чары. Она сложила руки на коленях и потупила взор. Никто из них не проронил ни слова до самого вечера.

Как только они подъехали к Литтлдину, сразу стало ясно, что произошло что-то из ряда вон выходящее. Одетые по последней моде мужчины прогуливались по улицам или празднично стояли группами, а гостиницы и таверны процветали. Они не успели проехать и полдеревни, а Бретт уже увидел дюжину своих знакомых. Он выругался. Как он сможет сохранить присутствие Кейт в секрете, когда в этом глухом уголке собралось сразу столько его знакомых? Тут он вспомнил про кулачный бой на ферме неподалеку и обругал себя последними словами за то, что они не остановились раньше. Теперь, наверное, не осталось ни одной свободной комнаты в «Петушке», да и нигде на много миль вокруг, но было уже слишком поздно что-либо менять. Карета въехала во внутренний двор, и кучер кликнул конюхов.

– Сидите здесь и не поднимайте занавески, – приказал Кейт Бретт, собираясь вылезти из кареты. – Пойду узнаю, есть ли свободная комната и можно ли провести вас внутрь незамеченной.

Он растворился в сгущающихся сумерках, и Кейт съехала в углу в ожидании его возвращения.

Бретт испытывал жгучее желание войти через кухню, но знал, что своим исчезновением со двора только еще больше привлечет к себе внимание, поэтому он вошел через парадную дверь и тут же услышал, как его окликнули.

– Уэстбрук! Я думал, ты никогда сюда не приедешь! – крикнул Стивен Уиндом, который пробирался к нему сквозь

толпу, расталкивая всех на своем пути. – Я побился об заклад с Хьюбертом, что ты и дня не пробудешь в Райхилле. Давай присоединяйся к нам!

Бретту нравился Стивен, несмотря на то что тот был тугодумом, но он терпеть не мог Хьюберта Седли.

– Позже, – сказал Бретт. – Я должен позаботиться о комнате. Я не ожидал встретить тут половину Лондона.

– Здесь на двадцать миль вокруг не найдется ни одной свободной кровати, – заверил его подоспевший Хьюберт. – Тебе, наверное, придется спать в карете. Знаешь, – сказал он, наполовину разговаривая сам с собой, – должно быть, этот сезон в Лондоне выдался чертовски скучным, раз такой пустячный бой смог привлечь половину щеголей города. Ну же, порадуй нас хоть немного!

– Не сейчас. Я целый день провел в карете, и меня бросает в дрожь при мысли, что придется провести там еще и ночь. Что случилось с твоей маленькой вдовушкой? Она сбежала от тебя?

Хьюберт натянуто улыбнулся.

– Если ты имеешь в виду миссис Брайтстоун, то она начала строить планы и мне пришлось с ней порвать. Мне не нравятся назойливые женщины. Они напоминают мне мою жену.

– Ах ты, старый греховодник! – загоготал Стивен. – Это она дала тебе от ворот поворот! Наверное, не разрешила тебе забраться к ней в постель в первую же ночь. Я же говорил

тебе, что нельзя быть таким нетерпеливым. Такты упустишь больше цыпочек, чем поймашь.

Хьюберт пустился в объяснения всех сложностей ухода за женщиной, и Бретт, извинившись, отправился на поиски хозяина гостиницы. Когда он обнаружил его, тот одну за другой наполнял кружки элем из бочонка и подавал их посетителям. Увидев Бретта, маленький человечек широко улыбнулся, но уголки его губ смешно поникли, когда он понял, что тому, должно быть, нужна комната.

– Мы можем где-нибудь спокойно поговорить? – спросил Бретт, понизив голос, насколько это было возможно в таком шуме.

Хозяин гостиницы махнул одному из бегавших с подносами парней, чтобы тот подменил его, и повел Бретта по коридору в буфетную.

– Здесь нам никто не помешает, – сказал он, затворив за собой дверь. – Сегодня никому не нужно молоко. – Он засмеялся собственной шутке, но его веселье поубавилось, когда он понял, что Бретт не разделяет его. – Надеюсь, вы не ищете комнату, мистер Уэстбрук, потому что я нигде не могу вас поселить, даже в клозете.

– Как раз комната-то мне и нужна. Неужели нельзя каким-то образом подселить одного из этих джентльменов к кому-нибудь еще?

– Один джентльмен роли не сыграет, – неуверенно ответил Майкл. – В гостинице не сыщешь ни одного человека,

который не делил бы постель с другим или не спал на диване.

– Меня не интересуют другие, – отрезал Бретт. Он почувствовал, что в нем закипает гнев и остатки вежливости вот-вот испарятся. – Разбейся в лепешку, но найди мне комнату.

– Но здесь нет свободных комнат, если только в десяти, ну, может, в двенадцати милях отсюда.

– Проклятие, старина, я ехал с самого рассвета. Я точно кого-нибудь убью, если мне придется провести еще хоть пять минут в этой карете. Мне наплевать, как ты это сделаешь или сколько это будет стоить, но найди мне комнату.

Он повернулся и двинулся было к двери, но внезапно остановился как вкопанный.

– Конечно! Как я раньше об этом не подумал? Мы можем воспользоваться твоей комнатой! Я могу спать на диване, а Уолкер и Чарлз разместятся в конюшне.

– Ради всего святого, сжальтесь надо мной! – взмолился хозяин гостиницы. – Вы же знаете, что у меня не хватит духу попросить Матильду покинуть гостиницу, когда надо приготовить столько еды и позаботиться о комнатах. Она меня убьет!

– Меня не интересуют твои семейные проблемы, – резко ответил Бретт.

– Вам не приходится с ней жить. Все идет кувырком, когда она злится. Кроме того, вы не сможете там спать. Диван уже занят, да и конюшни переполнены. – Внезапно он замолчал и подозрительно уставился на Бретта. – Если вы собираетесь

на нем спать, то кто будет спать на кровати моей жены?

– Я везу в город юную леди, – признался Бретт. Он надеялся, что грозное выражение его лица удержит хозяина гостиницы от неправильных выводов, но его надежды не оправдались.

– Это уважаемый дом, – побагровев, сказал Майкл. – Я не позволю вашей любовнице остановиться в моей гостинице, даже если вам придется спать на улице. А что до того, чтобы отдать ей кровать моей жены... – у маленького человечка не хватило слов.

– Ты полагаешь, что я притащил бы свою любовницу в этот Богом забытый уголок Англии? – требовательно спросил Бретт. – Или мне было бы дело до того, кто ее увидит? Это леди, и к тому же чертовски привлекательная.

– Позвольте, я поговорю с Матильдой, – сказал хозяин гостиницы. Его гнев улетучился также внезапно, как и появился. – Она должна дать свое согласие.

Через несколько минут Бретт услышал, как среди шума раздался звучный женский голос, и его громкость продолжала нарастать, пока дверь не распахнулась настежь и в коридоре не появилась Матильда, заполнив собой все узкое помещение. Она на всех парусах поплыла к буфетной, угрожая размахивая огромным кухонным ножом, словно он был не опаснее деревянной ложки.

– Что это вы надумали? Врываетесь сюда со своими глупыми сказками, когда у меня полон дом надоедливых муж-

чин, которым всем враз подавай ужин! И где же эта драгоценная юная леди, о которой вы так печетесь? – скептически осведомилась она.

– В карете, – ответил Бретт. – Я не мог провести ее внутрь, иначе все бы ее увидели.

Он уже был в середине коридора, когда Матильда наконец снялась с мели и поплыла за ним. Майкл семенил следом.

Бретт не сразу увидел Кейт, открыв дверь кареты. Она забилась в угол, и ее почти не было видно.

– Прочь с дороги, вы, тиран! Дайте мне самой посмотреть! – приказала Матильда, бесцеремонно отпихивая Бретта в сторону.

Сначала красота Кейт утвердила Матильду во мнении, что Бретт пытается провести свою любовницу, но, приглядевшись, она изменила свое мнение. У этого бледного личика не было ничего общего с размалеванным лицом женщины легкого поведения. Ее напряженная поза, окаменевшее выражение лица и бледность кожи свидетельствовали о том, что она не была столь храброй, как хотела казаться.

– Мне ужасно неловко, что я навязываюсь вам, когда у вас столько хлопот, но если бы вы только выделили мне кровать, то я бы даже согласилась спать со служанками, если нет другого выхода, – взмолилась Кейт и в довершение чуть слышно икнула, чем окончательно сломила сопротивление Матильды.

– Ах вы, бедняжка! – проворковала Матильда. – Оставить

ее одну в этой мерзкой карете, где нет даже горничной, с которой она могла бы поговорить! Как вам не стыдно, мистер Уэстбрук, так недостойно обращаться с леди!

Бретт был слишком обрадован тем, что Матильда сменила гнев на милость, чтобы оспаривать ее несправедливые обвинения. Но его лицо выражало все, что угодно, только не счастье.

– Майкл, – нетерпеливо протрубила Матильда, – принеси мой плащ, тот, что с капюшоном. Он висит в коридоре. И не пропадай на всю ночь, – добавила она. – Я еще не всем приготовила ужин. Идемте со мной, дитя мое, – сказала она, помогая Кейт вылезти из кареты. – Я позабочусь о том, чтобы вас прямо сейчас уложили в теплую постельку. Все мужчины одинаковы – думают только о себе, а меж тем нам, бедным женщинам, приходится заботиться о себе и о них в придачу.

Майкл знал, что половину из того, что говорит Матильда, не стоит воспринимать всерьез, но Бретт пробормотал себе под нос что-то о том, что убийство женщин не должно караться законом.

– Не переживайте, мисс. Как только мой муженек принесет плащ, мы проведем вас внутрь. Спрячьтесь за меня. Никто и не увидит тростиночку вроде вас за такой горой, как я. – Ее огромное тело затряслось от смеха. – Чего я никак не пойму, так это почему мужчины ползут как черепахи всякий раз, когда ты просишь их поторопиться.

Майкл вернулся с огромным плащом, в котором можно

было спрятать шесть таких, как Кейт, и Матильда закутала ее и быстро повела внутрь, охая и причитая всю дорогу.

– Проследите, чтоб никто не вошел во двор. Хотя я не представляю, что вы сделаете, если кто-то войдет. Понятное дело, вы не сможете закрыть им глаза или убедить, что им все померещилось.

Бретт вопросительно взглянул на Майкла, но хозяин гостиницы просто покачал головой. Он знал, когда стоит обращать внимание на Матильду, а когда – промолчать.

Глава 5

Несмотря на заверения Кейт, что она вполне может сама о себе позаботиться, Матильда продолжала квохтать над ней, когда они вошли в комнату.

– Даже не думайте об этом, – возмущенно сказала Матильда. – Мистер Уэстбрук не растает, если побудет с вами до ужина. Впрочем, ужин не заставит себя ждать, – хихикнув, доверительно сообщила она. – Внизу сидит толстый джентльмен, который и так слишком много ужинал. Ничего с ним не случится, если в этот раз он немного подождет.

И она, посмеиваясь, вразвалку вышла из комнаты.

Теперь, когда ей не угрожала голодная смерть или перспектива провести ночь в карете, смелость покинула Кейт, и она почувствовала себя усталой и ужасно беззащитной. Ее плечи поникли, и спина уже не была такой прямой. Она выглядела совсем невинной, моложе своих девятнадцати лет. Бретт обнаружил, что его раздражение и нетерпение улетучились. Даже после всех неприятностей, которые она ему доставила, он не мог отрицать свое влечение к ней. Ее кожа цвета сливок так и просила, чтобы он дотронулся до нее, нежный изгиб шеи был словно создан для его ласк. Он представил, как целует ее полные красные губы, пока это хладнокровное создание не потеряет самообладание и не ответит ему со страстью, которая, Бретт был уверен, ждет своего ча-

са под этим панцирем из льда. Человеку, которого так легко разгневать, не могут быть чужды чувственные наслаждения.

Кейт подняла глаза и, увидев, как он на нее смотрит, покраснела до корней волос. Приглушенно охнув, она отодвинулась от него как можно дальше и из всех сил вцепилась в огромный плащ, в который по-прежнему куталась.

Бретт невольно рассмеялся.

– Разве на вас никогда не смотрели мужчины? Я готов поручиться, что вы разожгли животную страсть не в одном представителе мужского пола из тех, что бывали в доме вашего брата.

Кейт покачала головой.

– Я никогда не спускалась вниз, когда в доме были гости.

– Теперь-то вы понимаете, почему. Вы оказываете такое сильное влияние на находящихся поблизости мужчин, что мне стоит больших усилий держать свои руки подальше от вас. – Он сверкнул глазами в ее сторону, словно гончая, почувывая добычу. – Не беспокойтесь. Я не собираюсь давать Матильде повод воткнуть этот нож в меня вместо гуся.

Кейт тяжело сглотнула.

– Я все равно не могу здесь остаться. Меня знает половина мужчин в этой гостинице. Я хочу, чтобы они думали, что я приехал один, так что я буду ужинать с ними. Но вы не должны делать ни шагу из этой комнаты. Попросите Матильду, если вам что-то понадобится.

Внезапно то, что он уйдет, испугало Кейт больше, чем то,

что он останется. Она не могла понять, чем вызвана такая внезапная перемена в ее душе, но у нее не было времени на решение загадок.

– Куда вы пойдете? – заикаясь, вымолвила она.

– Я посмотрю бой и скорее всего вернусь где-то после десяти. Убедитесь, что дверь заперта, прежде чем лечь спать. Я переночую где придется.

Бретт двинулся было к двери, но ее темно-голубые глаза так пристально смотрели на него, что он заколебался. В который раз ощутив поразительную притягательность ее ослепительной красоты, он подошел к ней, погладил ее щеку и провел пальцем по подбородку.

– Последние двадцать четыре часа были не из легких, – ласково сказал он, – но сейчас вам нечего бояться. Пока вы со мной, с вами ничего не случится.

Он стремительно подошел к двери, обернулся и сказал своим обычным резким тоном:

– Постарайтесь лечь пораньше. Завтра у нас много дел.

И вышел.

Кейт сидела совершенно неподвижно, пытаясь разобраться в водовороте обуревавших ее чувств. Она по-прежнему чувствовала слабость оттого, что стала объектом его неприкрытого желания, – прежде девушка никогда не сталкивалась с такой реакцией, и она напугала ее. Впрочем, изменившийся тон его голоса и нежные прикосновения смутили ее ничуть не меньше. В конце концов, может, она ему не так

уж противна?

Кейт с изумлением поняла, что его доброе отношение тронуло ее, и, в сущности, она хотела, чтобы он прикоснулся к ней. Она уже не чувствовала себя такой одинокой в этом мире. От него исходила такая сила, что это вселяло в нее уверенность, что он позаботится о ней. Будет нетрудно научиться во всем полагаться на такого человека. Наверное, это даже приятно.

В то же время внутренний голос предупреждал ее, чтобы она не теряла бдительности. Она почти ничего не знает о мужчинах, предостерег ее он, и совсем ничего не знает о таких мужчинах, как Бретт Уэстбрук. Слишком велика вероятность, что она неправильно истолкует его отточенное благородство и проникнется нежными чувствами к человеку, для которого она всего лишь временная подопечная. Гораздо разумнее настроить себя на будущее, в котором не будет его широких плеч и пронзительных глаз. В конце концов, она и не надеялась снова увидеть его после того, как они приедут в Лондон.

По другую сторону двери Бретт с трудом переводил дыхание. Все оказалось труднее, чем он думал. Неужели Кейт не понимает, как она соблазнительна? Можно подумать, она никогда не встречала мужчину из плоти и крови. Если она по-прежнему будет выглядеть такой хрупкой и беззащитной, то скоро узнает, какой опасной может быть разгоряченная плоть. Он с удовольствием поможет ей открыть для себя ра-

дости любовных игр и пробудит в ней чувственное возбуждение, которое сможет сравниться с его собственным.

«Прекрати, — яростно пробормотал он себе под нос. — Она леди, благовоспитанная девушка. Она определенно не из тех женщин, о которых позволительно так думать, если, конечно, ты не собираешься на ней жениться. Только тронь ее — и все двери в Англии захлопнутся перед твоим носом. Брось ее на произвол судьбы — и результат будет примерно тем же. Если бы он не увез ее из Райхилла, этих неминуемых последствий можно было бы избежать, но теперь об этом поздно думать».

Приглушенно ругаясь, Бретт зашагал во двор. Ему нужно было время, чтобы привести в порядок свои чувства и дать крови остыть, прежде чем он сможет выдержать шумный ужин в столовой. Он застонал при мысли о предстоящем застолье. Оставалось надеяться, что Кейт лучше проведет время.

Бретт раздраженно уставился в бокал с бренди. Вечер выдался тоскливее некуда, и запасы его терпения почти истощились. С трудом дождавшись окончания любительского боя, он был вынужден три нескончаемых часа терпеливо наблюдать, как его друзья топят свое разочарование в вине. Теперь в гостинице наконец-то наступила тишина. Он встал, потянулся и начал подниматься по лестнице, оставив наполовину недопитый бокал бренди на столе. За последние два дня он выпил бренди более чем достаточно.

Бретт остановился у двери, ведущей в комнату Кейт, и прислушался. Оттуда не доносилось ни звука, поэтому он аккуратно вставил ключ в замок и осторожно повернул его. Дверь бесшумно отворилась, и он мысленно благословил Матильду за рачительное ведение хозяйства, так как Кейт не проснулась. Он на цыпочках вошел внутрь и, облегченно вздохнув, закрыл за собой дверь и повернул ключ в замке.

Маленькая комнатка располагалась в углу гостиницы. Окна занимали две стены, вдоль оставшихся двух стен стояла, тесня друг друга, громоздкая мебель. Занавески были открыты, и комната купалась в бледном сиянии луны. Бретт без труда различил свой багаж, стоявший на полу возле большого кресла.

«Это, – мрачно подумал он, – и будет моей постелью в эту ночь». И это ложе явно не сулило сладких снов: в карете и то было бы удобнее.

В центре комнаты, занимая почти все пространство, стояла огромная кровать без полога, на которой возвышалась груда перин. Посередине, почти утонув в море подушек, крепким сном спала Кейт. От потрясения, что она лежит перед ним такая беззащитная, полностью в его власти, тело Бретта напряглось, объятые пламенем жгучего желания.

Она подложила руку под голову – золотистые волосы струились сзади нее по подушке, словно колышущееся облако золотой пряжи, необычайно темные ресницы выделялись на алебастровой от бледного сияния луны коже. Одеяло со-

скользнуло с ее плеч, и Бретт мельком увидел ложбинку между грудями сквозь расстегнутый воротничок ночной сорочки. Он упивался ее красотой, как человек в пустыне пьет воду из родника, жадно глотая и не задумываясь о последствиях.

Бретт подошел ближе к кровати, уставившись, как загнипнотизированный, на то, как она повернулась с боку на спину, так что сорочка распахнулась, полностью открыв его взору одну молодую грудь. Бретт прерывисто и тяжело задышал. Он боролся с искушением протянуть руку и погладить ее по лицу, прикоснуться к бархатистой коже, погрузить пальцы в ее золотистые волосы и пробежать по ним рукой. Огромным усилием воли он заставил себя повернуться к своему одиночному креслу.

Впервые в жизни женщина приводила его в замешательство, и это злило его. Он попытался не обращать внимания на борьбу, которая шла в его душе, но не смог и тяжело опустился в кресло, терзаемый неприятными мыслями. Проклятие! Он испытывал к этой девушке нечто большее, чем вожделение. Он желал многих женщин, но ни одна из них не действовала на него так, чтобы он, застыв, молча пожирал ее глазами и упивался пьянящим ощущением ее близости. Никогда прежде ему не хотелось просто держать женщину за руку или с наслаждением ощутить, как ее нежная кожа касается его грубой плоти. И никогда беззащитный вид дамы не вызывал в нем потребности заключить ее в свои объятия и

защитить от опасности.

Уэстбрук раздраженно скинул сюртук. Он начинал походить на изнеженных юнцов времен его учебы в колледже. Он сделает все необходимое, чтобы пристроить ее, прежде чем уедет во Францию, и на этом они распрощаются. Никогда прежде Бретт не позволял желанию взять верх над здравым смыслом, и сейчас не собирался этого делать.

Он не спеша повесил сюртук в платяной шкаф среди менее элегантных нарядов хозяина гостиницы и его жены. Может, он и вынужден провести ночь в кресле, но не собирается спать в сюртуке. Однако рубашку и галстук Уэстбрук без сожаления бросил на пол. С усилием стащив сапоги, он поставил их у двери. После чего порывлся в глубине шкафа и вытащил несколько толстых одеял — в комнате царил ледяной холод, и, похоже, он проснется окоченевшим и вконец разбитым.

Бретт с приглушенным стоном опустился в продавленное кресло, предвкушая отвратительную ночь. Он поерзал, пытаясь найти позу поудобнее, но вскоре пришел к заключению, что это невозможно. Вот и еще одна особенность. Ни одной женщине прежде не удавалось заставить его провести ночь в кресле. Более того, он сделал это добровольно!

В этой огромной кровати хватит места на четверых человек. Она никогда не узнает, что он спал вместе с ней. Тот она удивится, когда, проснувшись, обнаружит его лицо на соседней подушке. Наверняка закатит истерику или упадет

в обморок. Бретт не знал, что из двух более вероятно, но не испытывал никакого желания объясняться с Матильдой.

Бретт не знал, сколько он проспал, прежде чем чуть слышный стон вырвал его из пучины сна. Даже не успев сфокусировать взгляд, он услышал, как Кейт мечется на кровати. Звуки стали настойчивее, и, пока Бретт пытался стряхнуть с себя ос татки сна, она внезапно закричала:

– Нет! Нет! О Боже, нет!

Окончательно проснувшись, Бретт вспомнил о спящих постояльцах гостиницы, изголодавшихся как раз по такого рода скандалам, который вспыхнет, если они обнаружат его в одной комнате с благовоспитанной девушкой. Одним прыжком он оказался рядом с кроватью и зажал ей рот ладонью. Ясные голубые глаза Кейт распахнулись, расширившись от ужаса, и уставились на него, не узнавая. Она отчаянно сопротивлялась, пытаясь вырваться из его рук, но он был гораздо сильнее.

– Кейт! Кейт! – громко, насколько это было возможно, прошептал он. – Это я, Бретт. Вы в безопасности. Никто не причинит вам вреда.

Она по-прежнему не узнавала его, но когда Кейт услышала, как он назвал ее по имени, на ее прелестном личике появилось озадаченное выражение. Внезапно до нее дошло, кто он, и она бросилась ему на шею, крепко обвила ее руками и зарыдала, уткнувшись ему в плечо. Опасаясь, что кто-нибудь может услышать ее плач, Бретт попытался успо-

коить ее нервы и унять страхи, но в точности как он никак не мог успокоить ее тогда, когда она застрелила разбойника, так и сейчас она ни как не реагировала на его мольбы. Вскоре его фантазия иссякла, и, не зная, как заглушить ее плач, Бретт запечатал ей рот поцелуем. Сначала он едва касался ее губ, но вскоре его поцелуй стал более настойчивым. Его обостренные до предела чувства, вырвавшись на волю, были упорны в своем безудержном стремлении насладиться восхитительно мягким, податливым теплом, которое целый день было недостижимым.

Бретт проложил поцелуями огненную дорожку от ее губ к глазам, над ухом и спустился по изгибу шеи к пологому склону ее плеча. Запах ее кожи пьянил его, а от сладостной мягкости ее тела вулканический огонь внутри его разгорался все ярче и ярче. Не обращая внимания на ее сопротивление, он рванул ворот ее сорочки и, запустив руку внутрь, принялся ласкать теплую грудь, не в силах устоять перед ее зовом. Мягкая, упругая плоть уничтожила те жалкие крохи самообладания, которые еще оставались у него, и он нагнул голову, чтобы вкусить ее сладость. Не обращая внимания на ее возмущенные протесты, его губы бесстыдно исследовали нежную плоть, пока он не почувствовал, что на его голову сыплется град яростных ударов, и не услышал голос, опасно приближающийся к крику. Кейт яростно сопротивлялась вольностям, которые он позволял себе с ее телом.

Кейт еще не совсем проснулась, когда Бретт заключил ее

в свои объятия. Прильнув к нему, она почувствовала себя в безопасности и слепо вцепилась в своего защитника. Сначала ей нравились его нежные поцелуи, но когда его губы стали требовательнее и медленно двинулись от ее рта к виску, ей стало не по себе, и она попыталась оттолкнуть его. Но вместо того, чтобы отпустить ее, Бретт еще крепче сомкнул объятия, и его обжигающие губы начали покрывать поцелуями ее шею и плечи. Охваченная страхом, девушка начала сопротивляться, пытаясь вырваться из его рук, но он продолжал зажигать маленькие круги огня на ее плоти. Костерки разгорались все жарче, пока она не почувствовала, что ее кожа сейчас вспыхнет.

К своему крайнему изумлению, Кейт обнаружила, что ее тело отвечает на его прикосновения. Крошечные искорки восхитительного тепла волной пробежали по ее телу, как зигзагообразная молния пронзает ночное небо. Дрожь возбуждения, волна за волной, прокатилась по ее нервам, сначала медленно, а затем все сильнее, пока вся ее плоть не ожила, воспротивившись попыткам обуздать ее.

Это бушующее пламя грозило поглотить Кейт без остатка, когда Бретт переключил свое внимание на ее грудь. Героически сопротивляясь, чтобы бурный поток этих неожиданных сладострастных ощущений не унес ее за собой, она забарабанила кулачками по его голове и плечам, но от этого его желание и мощный натиск только усилились.

– Прекрати! – потребовала она яростным шепотом.

Но казалось, Бретт ее не слышал. Его руки уже ласкали другую грудь, а губы опускались все ниже, пока не отыскали сосок и принялись покусывать и ласкать его, так что она испугалась, что потеряет сознание – настолько сильны были невероятно приятные ощущения, которые он пробуждал в ее теле. Она погружалась все глубже и глубже в теплый, манящий, засасывающий омут. Последним лихорадочным усилием Кейт освободила свой разум из плена взбунтовавшихся чувств.

– Ради Бога, Бретт, сжался надо мной! – крикнула она и ударила его в пах.

Взвыв от боли, Бретт кубарем скатился с небес на землю. Как только он выпустил ее, Кейт отползла как можно дальше от него и натянула одеяло до самого подбородка. Ее великолепные глаза в страхе и замешательстве смотрели на него – она больше не доверяла ему, а после того, что только что произошло, она также перестала доверять самой себе. Они смотрели друг на друга, сидя по разные стороны кровати, как изготовившиеся к прыжку дикие животные.

Пылающая страсть по-прежнему властвовала над Бреттом, но боль в паху остановила ее стремительный прилив, и гнев – третье сильное чувство – охватил его разум. Бретт резко оторвал взгляд от лица Кейт, подошел к окну и распахнул его настежь, позволив порыву холодного ветра опалить его тело. От пронизывающего холода зимней ночи зубы его застучали, и он задрожал от такого зверского способа охла-

ждения страсти. Бретт чувствовал себя словно умирающий, охваченный предсмертным приступом лихорадки.

Но растущий гнев заставил его позабыть о физическом дискомфорте, и он повернулся к Кейт – его лицо почернело от злости, но прежде чем кто-либо из них успел вымолвить хоть слово, они услышали стремительно приближающийся звук шагов по коридору и осторожный, но настойчивый стук в дверь.

– Мистер Фрэнке, что-то случилось? – позвал тихий, тревожный голос. – Я услышала голос госпожи и прибежала со всех ног. Позвать доктора Кредлоу?

«Черт бы побрал эту крикливую девчонку!» – выругался про себя Бретт, повернувшись лицом к запертой двери. Она все погубит, если он не сможет придумать, как от нее отделаться.

– Ни звука! – яростно прошептал он Кейт, которая по-прежнему сидела, съежившись, под одеялами. – Я избавлюсь от нее.

Кейт лишь молча уставилась на него и еще крепче вцепилась в одеяла.

– Все в порядке, дитя мое, – хриплым шепотом вымолвил он, стараясь, чтобы его голос звучал как у человека, которого пробудили от крепкого сна. – Госпоже просто приснился дурной сон. – Его голос не был похож на голос Майкла, но Уэстбрук надеялся, что она не уловит разницы сквозь закрытую дверь. – Сейчас с ней все в порядке. Она снова уснула.

Он не имел ни малейшего понятия, страдала ли Матильда ночными кошмарами, но ему больше ничего не пришло в голову.

– Вам точно ничего не нужно? – обеспокоенно осведомился голос. – Может, госпожа желает стакан горячего молока? Или немного виски, чтобы крепче спать?

«Упорная девчонка!» – выругался Бретт.

– Нет! – сказал он, слегка повысив голос. – Она спит, и я не собираюсь ее будить. А теперь спокойной ночи!

Бретт с замиранием сердца ждал, что последует дальше. Он услышал, как шаги начали удаляться по коридору, остановились и начали медленно, осторожно возвращаться. Он напрягся и тихо чертыхнулся. Шаги снова замерли, а затем начали удаляться прочь по коридору, на этот раз быстро. Бретт напряженно вслушивался, чтобы уловить малейший звук, но, подождав несколько минут и ничего не услышав, облегченно выдохнул и привалился к двери.

Кейт, застыв, сидела все в той же позе, но, когда Бретт отошел от двери, она тут же испуганно отпрянула назад.

– Можете успокоиться, – хмуро сказал он. – Я владею собой.

– Раньше я тоже так считала, – расхрабрившись, ответила Кейт.

То, как ее тело реагировало на его ласки, изумило девушку, и она не хотела, чтобы Бретт понял, насколько она взволнована. Близость его красивого, сильного тела пугала ее, но

также наполняла волнением, столь же загадочным и приводящим в смятение, сколь и неожиданным. Ей необходимо привести в порядок сумбурные мысли и спокойно все обдумать, но рядом с Бреттом это было невозможно.

Кейт никогда не доводилось так близко видеть настолько обнаженное мужское тело, и она никогда не встречала мужчину с притягательной силой Бретта. Его рубашка была растегнута до пояса, и могучая грудь, все еще вздымающаяся от нерастраченной страсти, была открыта взору ее широко распахнутых глаз. Мускулистые икры, мощные бедра и плоский, упругий живот – все это только усиливало его сходство с лоснящимся, голодным зверем, который приготовился напасть на свою жертву.

Несмотря на досаду, Кейт не могла оторвать глаз от его гипнотизирующего торса, как не могла отрицать, что в ее теле бушует море чувств. Соски напряглись, и яркий румянец залил ее лицо, когда она поняла, что вероломная плоть протестует, пытаясь разорвать сдерживающие ее оковы разума.

Бретт неправильно истолковал ее румянец.

– Я бы избавил вас от присутствия моего разгоряченного тела, если бы мне было куда идти, – сказал он. – К сожалению, единственным предметом мебели, которого до сих пор никто не занял в этой гостинице, является данное кресло, – сказал он, указав на кресло в углу.

Кейт еще сильнее съежилась, и Бретту, чей гнев начал улечиваться, стало жаль ее. Он обязан защищать девушку, а

теперь превратился во врага. Должно быть, она ужасно напугана и чувствует себя совершенно одинокой. – Вы закричали, и я попытался вас успокоить, – объяснил он. – Но я ничем не отличаюсь от остальных мужчин и испытал такое сильное волнение, обняв вас, что не смог устоять. – Но так как она по-прежнему смотрела на него полными страха и непонимания глазами, он раздраженно воскликнул: – Бог мой, леди, вы что, никогда не смотрелись в зеркало?

Он стремительно подошел к туалетному столику, взял маленькое зеркальце и поднес его к ее лицу. Оттуда на нее смотрело бесспорно прекрасное лицо юной девушки с дикими, полными страха глазами.

– Разве вы не знаете, насколько вы красивы? – прогремел в ее ушах голос Бретта. – Каждая ваша частица вызывает восхищение, прикосновениях, любви. Одного вашего присутствия Достаточно, чтобы свести мужчину с ума. Неудивительно, что ваш брат прятал вас от всех. Иначе толпы мужчин осадили бы замок и принялись карабкаться по стенам и лезть в окна.

– Я не слепая, сэр! – ответила Кейт, немного напуганная его излишне пылкой тирадой. – Я понимаю, что я хорошенькая...

– Хорошенькая! – рявкнул Бретт. – Какой бесчувственный болван выбрал такое жалкое слово, чтобы описать вас? Вы Не хорошенькая, девочка моя, вы совершенно потрясающая, и ют одного вашего вида у меня закипает кровь. Хо-

рошенькая! – с отвращением повторил он. – Такую глупость мог сказать только Мартин.

Кейт изо всех сил старалась ничем не выдать своего смущения и удовольствия.

– Может и так, но прежде моя красота никого не приводила в такое волнение.

– Только потому, что никто вас не видел. Находиться рядом с вами и не иметь возможности коснуться вас – наказание хуже порки. Ложитесь спать, – сказал он, надеясь унять бешено бьющееся сердце. – Уже третий час ночи, а слуги встают с петухами.

Уэстбрук опустился в кресло, подоткнул одеяло под мышки, чтобы оно не сползло на пол во время сна, и, закрыв глаза, откинулся назад. Теперь он не скоро заснет, но ему не хотелось, чтобы Кейт об этом знала.

Кейт, негодуя, смотрела на него, однако по-прежнему сидела в своем уголке – ее мысли были заняты тем, что едва не произошло. У нее полностью отсутствовал опыт в области чувств, возникающих между мужчиной и женщиной, но ее скудных знаний было достаточно, чтобы понять: то, что произошло между ней и Бреттом, должно быть, происходило со многими другими. И все же откуда ей знать, что правильно, а что – нет? Мать никогда не разговаривала с ней, тетя и давно, а отцу и в голову бы не пришло, что девочке вообще надо Что-то говорить. Все ее знания сводились к смутным догадкам, почерпнутым из обрывков разговоров между

Мартинотом и Изабеллой, которые ей случалось подслушать, но ни та, ни другой никогда не являлись для нее образцом для подражания. Невзирая на то, что мысль остаться одной в незнакомом городе до смерти пугала ее, она с нетерпением ждала встречи с другими девушками ее возраста в Лондоне.

После четырех лет, фактически проведенных в темнице, Кейт жаждала общения с людьми, как голодный человек жаждет куска хлеба. Ей нужен был кто-то, с кем она могла посплетничать, посекретничать о мужчинах, одежде, обо всем, о чем девушки так любят болтать друг с другом. Но более всего она нуждалась в человеке, которому могла бы поведать о непонятных чувствах, которые вызывал в ней этот мужчина. Они пугали и потрясали ее до глубины души, но в то же время завораживали.

Лондон в ее представлении также был связан со зваными вечерами, платьями и огромным множеством людей. Она хотела флиртовать с самыми красивыми мужчинами, танцевать каждый танец с новым партнером и веселиться до зари.

В своих мечтах она представляла, как танцует с красивым мужчиной в свете луны, в то время как оркестр наигрывает вдалеке нежные мелодии и мягкий июньский ветерок шелестит в кронах деревьев и играет ее волосами. Невесомые складки платья едва касаются земли позади нее, глаза светятся от счастья, в волосы вплетены ленточки, и бесценные украшения сверкают на ее белой, вздымающейся груди. Ее теплая, бархатистая кожа светится в лунном сиянии, словно

яркая жемчужина. Кейт глубже зарылась в подушки, упиваясь восхитительными мечтами.

Очарованный ее красотой, мужчина крепко сжимает Кейт в своих объятиях и кружит, кружит ее под звуки запретного вальса. Робко и в то же время с надеждой она поднимает голову и пристально смотрит ему в глаза, в то время как на губах ее играет обворожительная, манящая улыбка. Она все пристальнее и пристальнее смотрит ему в глаза, они кружатся все быстрее и быстрее, его чарующий взор подчиняет себе ее волю – и она уже не в силах отвести взгляд, даже если бы захотела. Он так крепко сжимает ее в своих объятиях, что она едва может дышать. Она чувствует каждый дюйм его тела, ее груди вплотную прижаты к твердой, как гранит, груди, стройное, мускулистое бедро касается ее ноги. Внезапно Кейт осознала, что лицо мужчины в ее мечтах было лицом Бретта, это великолепное тело тоже принадлежало ему, как и огромная, внушающая спокойствие сила.

Он медленно наклонил голову, и его приоткрытые губы встретились с ее губами в поцелуе такой сокрушительной силы, что у нее подкосились ноги от охватившей ее слабости. Его язык исследовал ее рот, а его руки скользили вверх-вниз по ее спине, словно пальцы пианиста по клавишам, выводя огненные узоры, а в ответ по ее телу растекалось тепло. Поцелуй становился все требовательнее, и она покорилась его силе, и сладкая истома охватила все ее тело. Она была не в силах противостоять натиску его поцелуя, не в силах

оторваться от него. Кейт улыбнулась и, свернувшись калачиком в постели, медленно перенеслась на крыльях иллюзорной страсти в долину сна.

Глава 6

Они забылись беспокойным сном – мужчина и женщина, павшие жертвами бурных эмоций, дошедшие до точки кипения и резко охлажденные, подобно вулканической лаве, извергнувшейся в арктическое море. Наяву они боролись со страстями, грозившими поглотить их, но во сне уступили терзавшему их желанию.

Кейт первой заснула и первой вскрикнула. Сначала ее губы беззвучно шевелились, призывая Бретта, но ее желание становилось все настойчивее, и наконец еле слышный, умоляющий шепот слетел с ее губ. Ее голос проник в его сознание сквозь пелену глубокого сна, словно слабое, далекое эхо. Сначала его разум пытался отмахнуться от ее настойчивого зова, но тот раздавался снова и снова, пока не пробудил в нем ответное беспокойство, которое разорвало оковы усталости. Он в два счета преодолел разделяющее их пространство, и их тела переплелись, словно половинки единого целого, встретившиеся после долгой разлуки.

Бретт заключил Кейт в объятия, так что жар его тела проник в ее кровь, и их губы встретились. Его поцелуи становились все горячее и горячее, пока не зажгли в ней ответный огонь. Ее податливое тело таяло в его объятиях, а губы жадно лgnuли к его губам.

Его руки гладили ее плечи, изгиб шеи, свободно блуждая

по гладкой, нежной коже, пока не нашли ее груди, и, обнажив их, принялись ласкать и дразнить, пока те не превратились в твердые, островерхие холмики желания. Его горячие, сухие губы тоже обнаружили их, и обжигающий язык начал выводить маленькие огненные арабески на ее шелковистой коже. Его руки жгли ее кожу, будто железное клеймо, оставляя на каждой части тела отметину, что она принадлежит ему.

К этому времени Бретт окончательно проснулся, осознав, что делает. В его теле вспыхнул огонь, который он был бессилен обуздать. Никакие советы об осторожности, никакие предостережения не смогли бы охладить неистовое желание, охватившее все его существо. Его руки блуждали по телу Кейт, пока до ее сознания не дошло, что она сгорает от вожделения, что прилив страсти накрыл ее с головой.

Сознание Кейт было одурманено столь же нестерпимым желанием, и она пришла в себя позже, чем Бретт. Она попыталась сопротивляться, несмотря на то что ее разум был приятно удивлен сладостью этой опьяняющей страсти, но ее тело, упиваясь пробудившимися в нем ощущениями, радостно устремилось навстречу своей судьбе. От жара мужской плоти, касающейся ее нежной кожи, жгучее наслаждение стремительно пустило свои побеги в ее теле. Не в силах сдерживаться, Кейт еще крепче вцепилась в Бретта, прижавшись к нему всем телом, умоляя его слиться с ней воедино.

Несмотря на то что им двигало желание такой силы, какого ему еще не доводилось испытывать в своей жизни,

Бретт двигался осторожно и нежно, принимая во внимание ее неопытность. Те крохи самообладания, которые еще оставались в нем, предупредили его об опасности, когда его естество встретилось с девственной преградой на своем пути. Мысль о том, что Кейт девственница и леди, пронзила окутывающую его пелену желания, и он замер в нерешительности, разрываясь между чувством, что должен остановиться, и примитивной потребностью, требующей довести начатое до конца. Что-то внутри его героически старалось подавить стремительно надвигающийся прилив, какой-то внутренний голос предупреждал, что он горько пожалеет о своем опрометчивом поступке, но Кейт выгнулась навстречу ему, и Бретт очертя голову бросился в пропасть, откуда не было возврата.

Бретт медленно продвигал Кейт к высшей точке возбуждения, к состоянию беспамятства, в котором она почти не почувствует боли. Наконец он заполнил ее стремительным, подобным удару ножа толчком, так что она задохнулась от потрясения, вызванного одновременно болью и почти невыносимым наслаждением. Ее экстаз быстро нарастал, и она приподнималась все выше и выше навстречу ему, чтобы глубже принять в себя его ритмичные удары. Кейт торопила его с таким неистовством, о котором он даже не мечтал, требуя, чтобы он дарил ей наслаждение, превосходящее ее самые фантастические ожидания, и разжигая в нем схожее стремление самому вознестись на вершину блаженства.

Бретт изо всех сил пытался замедлить их лихорадочно-стремительное движение к заветной вспышке, продлить острое удовольствие от чувственного слияния, растекавшееся по телу, словно круги по воде, но Кейт, не подозревая об огромном блаженстве, которое можно получить, подгоняла его, выгибаясь ему навстречу, требуя, умоляя, чтобы он избавил ее от почти невыносимых мучений, поработивших ее существо. Наконец, когда она подумала, что больше не выдержит, что вот-вот потеряет сознание от сотрясающей тело сладостной агонии, он взорвался внутри ее, и она ощутила то самое неопишваемое блаженство одновременного высвобождения и полного удовлетворения.

Долгое время они молча лежали, не двигаясь. Но как только эйфория, вызванная наслаждением, прошла и до сознания Кейт начало доходить, что только что произошло, у нее начался озноб. Она изо всех сил прикусила губу и напрягла мышцы, но это не помогло. Ничто не могло остановить лавину ужаса и унижения, захлестнувшую ее. Слезы сперва заблестели капельками росы на кончиках ресниц, а затем побежали по ее щекам стремительными ручейками, увеличивающимися, словно река в половодье, так что подушка пропиталась ее раскаянием. Бретт попытался успокоить Кейт, но она вырвалась из его объятий.

– Не трогай меня, – прошипела она. Глаза ее блестели от слез. Она оправила сорочку и, схватив тяжелый халат, застегнула его до самого подбородка.

– Тише, – шепотом приказал Бретт. – Тебя могут слышать.

– Думаешь, мне теперь есть до этого дело? Разве они могут обесчестить меня больше, чем ты уже сделал?

– Необязательно рассказывать всем, что произошло.

– Ты беспокоишься о том, что могут подумать другие, но меня заботит, что думаю и что чувствую я. Это мне придется ходить с высоко поднятой головой и притворяться честной женщиной. Я чувствую себя грязной.

– Если никто об этом не будет знать, все будет в порядке.

– Ты действительно в это веришь? – требовательно спросила Кейт, уставившись на него, словно он был каким-то экзотическим животным. – Ты до такой степени бесчувственный, что можешь сделать вид, что ничего не было, кроме нескольких мгновений невинного удовольствия? Скажи мне, герой-победитель, как я буду смотреть в лицо честному мужчине, который будет столь глуп, что попросит моей руки? Прикажешь мне мило улыбнуться и сказать: «Я с превеликим удовольствием приму ваше предложение, любезный сэр, но должна вам сказать, что я кое-что потеряла. Мистер Уэстбрук забрал это». Или я должна с благодарностью согласиться, чтобы в первую брачную ночь он обнаружил, что я поношенная вещь, а не новое платье?

Каждый мускул Бретта напрягся от гнева, но он был достаточно честен, чтобы признать ее правоту.

– Я не могу изменить того, что произошло, но уверен, что

можно что-то сделать, — сказал он, сдерживая раздражение.

— Ты уже что-то сделал, — выпалила Кейт. — Ты не мог бы разрушить мою жизнь более основательно, даже если бы лишил меня родословной, доказав, что я незаконнорожденная. Убирайся прочь! — крикнула она, но в ее голосе уже не было того пыла и гнева. — Неужели ты не видишь, что я плачу, а я ненавижу плакать на глазах у людей, которые мне противны!

Она зарылась лицом в подушки и дала волю душераздирающим рыданиям, сотрясавшим все ее тело.

Бретт оказался в ловушке. Он не мог выйти из комнаты, но его присутствие едва ли помогало Кейт успокоиться — в сущности, оно заставляло ее рыдать еще сильнее. Он даже не мог выплеснуть свою ярость, разразившись проклятиями в адрес съежившейся на кровати фигурки. Как бы он ни ненавидел всю эту ужасную неразбериху, честность не позволяла ему переложить бремя вины на чужие плечи, что, однако, не умаляло его злости на Кейт. Бессильная ярость бурлила внутри его, но он не мог найти ей иного выхода, кроме как стремительно расхаживать взад и вперед по маленькой комнате, где съежившаяся фигурка Кейт служила ему постоянным упреком.

— Не обязательно сжиматься в углу, словно тебя заперли в одной клетке с бешеным зверем. Обещаю, я больше не стану к тебе приставать, — раздраженно пробормотал он.

— Ты такой же беспощадный, как он, — сказала Кейт, оторвав голову от подушки. — И ты уже достаточно доказал, что

твои заверения в безопасности гроша ломаного не стоят.

Она всхлипнула и снова уткнулась лицом в подушку.

— Ради всего святого, женщина, от твоих бесконечных зазываний и святой начнет изрыгать проклятия.

— Так как нам известно, что ты не святой, — икнув, вымолвила Кейт, — то, полагаю, мне лучше заткнуть уши, чтобы ты в придачу не осквернил и мой слух.

— Бог свидетель, если я не задушу тебя до исхода ночи!..

— На твоём месте я бы не стала так часто поминать Бога, — посоветовала Кейт, несколько не испугавшись его угроз. — Если он когда-нибудь обратит пристальный взор на творение своих рук, то наверняка испепелит тебя!

— Ах ты, ведьма! — вспыхнул Бретт, дав волю своему гневу. — Я того и гляди сломаю твою прекрасную шею! Похоже, только это сможет усмирить твой ядовитый язычок!

Так или иначе это разрядило напряжение, и они почувствовали, как их гнев начал стихать.

— Ты гнусный, отвратительный тип, у которого совершенно нет чувства стыда! — выпалила Кейт. — Ты обесчестил меня ради нескольких минут удовольствия, а теперь грозишься сломать мне шею, если я не перестану тебе об этом напоминать. Не сомневаюсь, что ты бы с наслаждением удовлетворял свою похоть всю оставшуюся ночь, но думаю, мои желания не совпадают с твоими. Не понимаю, почему ты не можешь спать где-нибудь в другом месте, но у меня нет сил с тобой спорить. Просто имей в виду, что, если ты посмеешь

приблизиться ко мне, я проткну тебя этой пилочкой для ногтей!

Дрожа от ярости, Бретт открыл рот, чтобы высказать все, что он думает.

– И ни слова больше, – приказала Кейт, опередив его. Она взбила подушки и села, откинувшись на них. – Все уже сказано.

После чего она плотнее закуталась в халат и зажала в руке длинную и очень острую пилочку для ногтей, которую взяла с ночного столика.

И хотя она скорее умерла бы, чем призналась в этом Бретту, Кейт знала, что она не меньше Уэстбрука ответственна за то, что произошло между ними. Не важно, что она была в полусне и что он пропустил мимо ушей ее мольбы выпустить ее, она до боли отчетливо помнила, что отвечала на каждое движение Бретта и даже подбадривала его, требуя, чтобы он продолжал, когда он мог бы остановиться. Да, у него было больше опыта, и именно он должен был сдержаться, но ведь она знала, каковы последствия подобных любовных интрижек, и тем не менее умоляла его продолжать. Не имело значения, что она не проронила ни слова, – ее тело говорило на языке, который он не мог не понять.

Что заставило ее так поступить? Кейт с самого начала признала, что ее влечет к нему, но это не причина, чтобы бросаться в его объятия, нимало не заботясь о последствиях такого поступка. И даже если бы она была влюблена в него,

это не меняло бы сути: она по-прежнему была не замужем, а теперь еще и обесчещена. Когда она покинула Райхилл, у нее было три преимущества: красота, знатное происхождение и девственность. Сегодня она выбросила одно из них, без которого остальные не имели никакой цены.

Кейт даже не пыталась заснуть, а вместо этого безучастно смотрела перед собой. Бретт расхаживал по комнате, то и дело поглядывая на Кейт: ее глаза ни разу не взглянули в сторону его высокой, атлетически сложенной фигуры, пока он мерил шагами комнату, чувствуя, как его мускулы вздуваются от гнева и напряжения. Пилочка для ногтей по-прежнему была крепко зажата в ее правой руке, а левая рука придерживала натянутые до самого подбородка одеяла.

Противоречивые эмоции, терзавшие Бретта, сплелись в такой огромный клубок, что он провел остаток ночи, пытаясь распутать его. Он не привык, когда ему в лицо бросают обвинения, и ему были неведомы муки самобичевания, но огромное богатство и безрассудная юность не разрушили его врожденную справедливость и честность. Бретт признавал, что поступил дурно и серьезно скомпрометировал Кейт, поставив под угрозу ее будущее, и что теперь обязан предложить что-то взамен. Но правда была горькой, как желчь, и от этого его гнев пылал не переставая.

Он злился на Кейт, потому что она неопровержимо уличила его в том, что он несправедливо обошелся с ней, принесся в жертву своей необузданной похоти, пусть даже она сама по-

ощряла его. И хотя он никогда даже не помышлял о том, чтобы связать свою судьбу с благовоспитанной девушкой, у которой не было ни денег, ни покровительства родственников, он знал, что должен был остановиться, пока не стало слишком поздно. До сегодняшней ночи он ограничивался связями со зрелыми женщинами, которые мыслили также, как и он, и знали, каковы правила этой игры.

Бретт злился на Кейт за то, что она имела смелость указать ему на его безнравственное поведение. Он и прежде совершал неблагоприятные поступки, но никто не осмеливался осадить его или заставить извиниться. А эта девушка, у которой не было никого, кто мог поддержать или защитить ее, ругала его последними словами, и он практически признал, что заслужил их.

Он был зол, потому что Кейт не исчезла волшебным образом, освободив его от ответственности, которую он так опрометчиво взял на себя, а затем усугубил своей необузданной похотью. Как, скажите на милость, ему подыскать место девушке без гроша за душой, но с выдающейся внешностью, место, которое не приведет в конечном счете к тому, что она станет чьей-то любовницей? Нельзя было даже думать о том, чтобы оставить ее без защиты: не пройдет и двух недель, как городские ловеласы проглотят ее с потрохами.

Бретт злился, потому что Кейт затронула что-то в его душе, чего другим даже не удавалось найти, то, что он так тщательно скрывал. Теперь он знал, что не сможет спихнуть

ее на какого-нибудь дальнего родственника или оставить на попечение бюро по найму услуг и забыть о ней. Ему было безразлично, что с ней станет. И не только. Пока еще смутно, но Бретт понимал, что хочет, чтобы она заняла в обществе соответствующее положение.

И наконец, он злился на Кейт за то, что она нарушила четкий ход его мыслей, заставив испытать все эти чувства. Никогда прежде он не утруждал себя заботами о желаниях других людей и определенно не сидел часами, ломая голову над решением проблемы, которая, судя по всему, казалась неразрешимой.

Он должен был прямиком отправиться во Францию, поручив Эдварду пристроить ее в Лондоне. Может, тогда его не терзало бы чувство, что он повел себя как мерзавец и что теперь должен как-то сгладить последствия своего безответственного поступка. Надо что-то сделать, но, возможно, пройдут недели, прежде чем он сможет найти приемлемый выход. Бретт мог переложить решение этой проблемы на плечи своих адвокатов, но он хотел, чтобы в этом деле было замешано как можно меньше людей. Почему он согласился на пари Мартина? Один продиктованный безрассудным благородством поступок – и посмотрите, куда это его завело. Дело пахнет тем, что ему придется взять ее с собой во Францию.

Бретт почувствовал, как у него под ложечкой появился комок и подкатил к горлу. Он с ужасом обнаружил, что мысль о

том, чтобы оставить ее при себе, вызывает в нем сладостное волнение. Уэстбрук обругал себя, не стесняясь в выражениях. Боже, еще один дурак, свихнувшийся от романтических бредней! Ничто так верно не поставит под угрозу успех его миссии и не сделает его работу практически невозможной, как пылкая девица, которая совсем ничего не знает о жизни и настолько красива, что это приносит ей одни неприятности. Если он желает проводить все свое время, следя за ее развлечениями и отваживая от нее сердцеедов, тогда ему непременно стоит взять ее с собой. Он не оберется хлопот, пока они прибудут из Парижа в Алжир.

Бретт плюхнулся в кресло. Он доведет себя до буйного помешательства, если не прекратит думать о Кейт и ее чарах. Настало время подумать о возложенной на него миссии. Задача, стоявшая перед ним, была не из легких. Если он намерен помешать дею² Алжира спровоцировать французов на войну с его страной, он должен проявить себя как умный, обладающий даром убеждения оратор. Эмиссары Абделя Кадира³ точно пустят в ход свое красноречие, равно как и взятки.

Мысли Бретта вертелись вокруг Кейт, пока первые лучи солнца не брызнули в окна спальни.

---

² Дей – титул правителя Алжира.

³ Абдель Кадир – алжирский национальный лидер, руководитель восстания против французских завоевателей, глава эмирата, созданного восставшими в западном Алжире.

Шум, доносившийся снизу, возвестил о том, что дом готовится встретить новый день. Бретт проснулся, чувствуя себя таким разбитым и больным, что ему стало ясно: придется несколько часов упражняться до седьмого пота, чтобы избавиться от последствий ночи, проведенной в этом ужасном кресле. Кейт по-прежнему сидела, зажав в руках пилочку для ногтей, в то время как ее глаза следили за его передвижениями. Гнев и страх исчезли из них без следа, но они смотрели настороженно и укоризненно.

Воспоминания о прошлой ночи обрушились на него сметающим все на своем пути потоком. Хотя тогда он находился в полусне, Бретт помнил, что чувственное наслаждение, которое он испытал, было самым восхитительным в его жизни. От воспоминаний о мягких губах Кейт, ее бархатистой коже, обволакивающим тепле в нем вспыхнуло неукротимое желание, а чресла болезненно напряглись. Тихо ругаясь, Бретт поднялся из кресла, преисполненный решимости как можно быстрее покинуть комнату. Он знал, что если сейчас же не окажется подальше от нее, то снова не сможет устоять перед соблазном дотронуться до нее, и страшно было представить, что она сделает с ним при помощи этой пилочки.

Стараясь не обращать внимания на волнующую притягательность ее красоты, Бретт плеснул холодной воды в таз и ополоснул лицо. Он гадал, принесет ли кто-нибудь ему горячей воды для бритья, или придется сделать это самому, к тому же его ботинки и сюртук нуждались в основательной

чистке, прежде чем он сможет их снова надеть. Прошлым вечером его чемоданы остались в карете, и сейчас будет слишком хлопотно поднимать их сюда, только чтобы найти новый сюртук. По крайней мере часть утра ему придется провести в прежнем одеянии. Он почувствует облегчение, вернувшись к своим обычным повседневным заботам. Однако, мельком взглянув на отражение изящного личика Кейт в зеркале, Бретт понял, что его надеждам не суждено сбыться. Ничто в его жизни уже не будет, как прежде. За какие-то сутки она разрушила отлаженный механизм его существования так, что уже ничего нельзя было поправить.

– Меня не будет все утро, – сказал он, нарушив молчание. – Я пока не знаю, кто проснулся, но никто здесь даже ложку не поднесет ко рту без ведома Матильды. Она позаботится о тебе, когда придет сюда.

– Просто уходи, – бесцветным голосом произнесла Кейт. – Я сама могу о себе позаботиться. Как и всегда.

Казалось, из нее высосали всю жизненную силу, но ее глаза по-прежнему неотрывно следили за каждым его движением.

Бретт занялся своими бритвенными принадлежностями. Он был не в настроении разговаривать, кроме того, он не знал, что ей сказать. Если у него есть хоть капля разума, он должен обращать на Кейт как можно меньше внимания. Одного взгляда на ее сжавшуюся в комочек фигурку, которая выглядела в золотых лучах солнца, словно ожившее изваяние,

было достаточно, чтобы всколыхнуть в нем страсть. Он почти ощущал, как касается кончиками пальцев ее кожи, вдыхает запах волос, вкушает сладость губ, но у него не было ни малейших сомнений, что она пустит в ход пилочку для ногтей, если он снова к ней приблизится.

Послышался громкий стук в дверь, и бодрый голос Матильды легко проник сквозь доски.

– Вы встали, мистер Уэстбрук? – Подождав несколько секунд, она подергала дверь – та все еще была заперта. – Черт бы его подрал! – услышали они. – Бьюсь об заклад, этот лежебока все еще спит. А его вода для бритья превратится в лед быстрее, чем кот успеет облизать усы. Надеюсь, он не думает, что я собираюсь стоять здесь и ждать, когда он соизволит проснуться?

Замешкавшись всего на несколько секунд, которые понадобились ему, чтобы найти халат и натянуть его на обнаженный торс, Бретт отворил дверь.

– Хм! Так вы проснулись! Что ж вы не ответили, когда я вас звала? – проворчала Матильда и протиснулась мимо него в комнату. – Надеюсь, вы хорошо выспались, мисс?

Услышав стук, Кейт натянула одеяла по самые глаза. Пилочка для ногтей бесследно исчезла.

– Я п-прекрасно выспалась, – заикаясь, вымолвила она, стараясь не смотреть Матильде в глаза.

– Позвольте-ка, я позабочусь об этом господине, чтоб со спокойной душой выдворить его отсюда, и тогда помог вам

одеться к завтраку. Служанка на кухне уже мелет кофе и жарит яичницу-болтунью, а к ней в придачу будут еще сосиски и свежесдобитый хлеб.

— Я не смогу съесть столько всего, — вымолвила Кейт, чувствуя себя неловко от такого количества внимания. — Кофе и тоста будет вполне достаточно.

— Хм! — фыркнула Матильда. — Молоденькой девушке вроде вас нужно кое-что посущественнее, чем кофе с тостом, не то от вас останутся кожа да кости. К тому же сегодня очень холодно, и вы окоченеете в этой продуваемой со всех сторон карете на пустой желудок.

Она повернулась к Бретту.

— Брейтесь быстрее, а я тем временем приведу в порядок ваши сапоги. Давайте-ка мне и свой сюртук, его тоже не помешает почистить.

Бретт достал из платяного шкафа сюртук.

На лице Матильды появилось сердитое выражение.

— Что это вам вздумалось убирать одежду за этим господином? — грозно спросила она, повернувшись к Кейт. — Все мы, женщины, одинаковы — балуем мужчин, вот они и начинают думать, что мы обязаны выполнять все их прихоти. В следующий раз пускай сам вешает свой сюртук или ходит в мятом.

Кейт не смогла сдержать улыбку, но Бретт не разделял ее веселья.

— Мисс Вариен крепко спала, когда я вошел, — сообщил

он Матильде. — Может, я избалован, но пока еще не дошел до того, чтобы зависеть от тебя или любой другой женщины.

— Как мы возмущены! — поддразнила его Матильда, насмешливо улыбаясь. — Никогда не встречала мужчину, который так пугается, если за ним не водится какой-нибудь грешок.

Она не заметила, что Кейт побелела как полотно и почти исчезла из виду под грудой одеял. На лице Бретта не дрогнул ни один мускул.

— Ступай прочь, ты, старая ворчунья, — поддразнил ее он. — Я закончу бриться через десять минут, и чтобы ты была здесь вместе с моим сюртуком и сапогами, прежде чем я успею смыть мыло с лица! — Он решительно подтолкнул ее к двери. — И смотри, чтобы они были безупречны. Ни единого пятнышка или складки.

Если вы такой привереда, можете сами все сделать, мистер Лондонский Денди, — не осталась в долгу она. — Что мои служанки смогут сделать, то вы и получите. И ни капель больше!

Она открыла дверь и была такова. Бретт принялся выбирать бритвы.

— Бритье не займет много времени. Я позавтракаю в столовой. Полагаю, все захотят пораньше отправиться в путь. Они должны уехать еще до обеда. — Он закончил брить одну половину лица и приступил ко второй. — Почти все утро уйдет на то, чтобы починить окно кареты. Тем временем я со-

бираюсь проехаться верхом, чтобы размять мышцы. Если тебе что-нибудь понадобится, просто скажи об этом Матильде.

Он в последний раз провел лезвием по щеке и ополоснул лицо. Как только он насухо вытер лицо, в комнату без стука и приглашения вплыла Матильда. Она ухмыльнулась, увидев, что он до сих пор не убрал бритвы.

– Я же сказала, что мы вас обслужим быстро. И хорошо, – добавила она, протянув ему сапоги. Бретт убрал бритвы, натянул сапоги, быстро надел рубашку и повязал галстук.

– Я всегда знал, что Майкл держит тебя не только за то, что ты умеешь жарить мясо, – сказал Бретт, ехидно ухмыляясь, пока Матильда помогала ему надеть сюртук.

Матильда засмеялась грудным, раскатистым смехом, от чего ее жировые складки заколыхались, поднимаясь и опускаясь, как волны в шторм.

– Ах вы, негодник! Ступайте прочь, пока я не опрокинула этот кувшин на вашу красивую голову! – пригрозила она:

– Не выйдет, ты ростом не вышла, – парировал он и быстро закрыл за собой дверь, увидев, что Матильда нацелила в его голову вешалку для одежды. Та ударилась о дверь и с грохотом шлепнулась на пол, не причинив никому вреда.

Когда Бретт улыбнулся, у Кейт захватило дух от его красоты. Несмотря на то что мисс Вариен говорила себе, что он ей не нравится, что она ему не доверяет и ждет не дождется, когда окажется от него подальше, она была не в силах подавить желание, чтобы он вот так улыбнулся ей, хоть разок. Ее

влекло к нему, даже когда он доводил ее до белого каления, а улыбаясь, он выглядел довольно дружелюбным. Кейт отчаянно нуждалась в друге и чувствовала, что Бретт может подойти на эту роль.

– Боже милостивый, этот мужчина – лакомый кусочек! – сказала Матильда, весело смеясь. – Он скользкий, как угорь, и хитрый, как старый кот, но при всем при том у него доброе сердце. Ну, что я могу для вас сделать, дитя мое? Знаю, у вас нет с собой горничной, поэтому я сама поухаживаю за вами.

– Мне действительно ничего не нужно, – тоненьким голосом пробормотала Кейт. – Дома у меня никогда не было горничной, так что я привыкла сама о себе заботиться. У вас, должно быть, дел по горло.

Матильда снисходительно улыбнулась.

– Ничего такого, с чем мои глупые служанки-хохотушки не справятся сами. Они поджарят сосиску на вертеле, если не скажешь им по-другому, но часок без меня пойдет им на пользу.

Она стремительно двигалась по комнате, расставляя все по местам на комоде и туалетном столике после Бретта и расправляя покрывало на кресле, чтобы вернуть ему прежний вид.

Кейт по-прежнему сидела на кровати, кутаясь в одеяла и стараясь подавить дрожь во всем теле. Она решительно сказала себе, что никогда не сможет стать самостоятельной, если в подобных случаях будет терять голову.

Матильда зажгла огонь в камине.

– Ну и холодрыга сегодня! Не знаю, почему мистер Уэстбрук не догадался затопить камин, но сейчас здесь в два счета станет тепло. А вы сидите под одеялами. Вам некуда торопиться, так что можете себе спокойно нежиться в кровати.

Она взбила две подушки и огляделась по сторонам. И по-видимому, осталась всем довольна, потому что двинулась к двери.

– Через часок я принесу вам завтрак. Вам нужно еще что-нибудь до тех пор?

– Я бы с удовольствием выпила чашечку какао, если вас это не очень затруднит, – извиняющимся голосом попросила Кейт.

– Нисколько, сейчас принесу.

– И еще кое-что. – Кейт вспыхнула как маков цвет. Слова никак не шли у нее с языка, как она ни старалась. Отчаяние придало ей храбрости и развязало язык. – Мне нужны чистые п-простыни. – Она покраснела еще сильнее. – Видите ли, у меня начались женские дни, и, боюсь, я запачкала их к-кровью. Извините, я не хотела испортить вашу чудесную постель. – Слезы задрожали на кончиках ее ресниц. – Я сама их выстираю.

Под властной наружностью Матильды скрывалась сентиментально-романтическая натура, и при виде слез в глазах этой хрупкой девушки ее сердце растаяло, как масло на сковороде.

– Не беспокойтесь, мисс. Невелика беда – пятнышко крови. И никакие простыни вы не будете стирать. Я брошу их на самое дно бака для белья, и никто ничего не увидит. А ну-ка вытрите слезы! – Она внимательно посмотрела в лицо Кейт. – С вашим-то личиком вы можете получить все на свете, так что нечего плакать из-за подобной ерунды.

Кейт с трудом сдерживала сильное желание броситься на шею этой огромной, ласковой женщине и заплакать навзрыд. Вместо этого она заставила себя улыбнуться и поблагодарить ее за любезность.

Матильда отмахнулась от ее благодарности и вразвалку вышла из комнаты за чистым бельем. Через пару минут она вернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.